

АЛЕКСЕЙ
ШЕБАРШИН

СТРАШНЫЙ СОВЕТНИК

ОБОРОТНИ ИНДИИ

Алексей Леонидович Шебаршин
Страшный советник.
Путешествие в страну слонов,
йогов и Камасутры (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11132601

*Страшный советник. Путешествие в страну слонов, йогов и
Камасутры: ТД Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906789-61-7*

Аннотация

В те времена, когда об Индии крайне мало было известно в Европе, русский купец Афанасий Никитин не только побывал в этой чудной заморской стране, но и написал о своих приключениях ставшую знаменитой книгу «Хождение за три моря». Книга, которую своим читателям представляет Алексей Шебаршин, не менее увлекательна, ведь автор – дипломат и профессиональный востоковед – побывал на местах описываемых событий. Он утверждает: в истории Индии и сегодня остается немало загадочных, а зачастую просто зловещих страниц.

Вошедшие в книгу произведения «Страшный советник» и «Оборотни Индии» – повествования о земле, которая издревле удивляла и зачаровывала чужеземцев. К примеру,

«Оборотни Индии» – исторический приключенческий роман, повествующий о тайной секте тхагов, наводивших до середины XIX века ужас на всю страну. Тхаги-душителы поклонялись Кали – богине смерти и разрушения индуистского пантеона. Именем Кали освящались убийства и грабежи. Тхаги были беспощадно жестоки, дьявольски хитроумны и неуловимы. Власть разрозненных индийских княжеств была бессильна перед этим бедствием, и лишь английская администрация сумела подавить и уничтожить тхагов. Повесть «Страшный советник» – о забавных похождениях российских дипломатов и чиновников в стране слонов, йогов и Камасутры.

Содержание

Страшный советник	6
Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	38
Глава 4	51
Вместо послесловия	72
Приложение	74
Конец дипломата	76
От автора компиляции	96
Оборотни Индии	98
Исповедь душиителя-тхага	99
Вступление	100
Приятное знакомство	106
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Алексей Шебаршин
Страшный советник.
Путешествие в страну
слонов, йогов и Камасутры

© Шебаршин А. Л., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Страшный советник

*...а критикам мы скажем наше веское Брысь!
Будда Гаутама,
третье тысячелетие после
нашей эры... или немного позже*

Глава 1 Поездка в Агру

«Что-то у меня сегодня овал лица какой-то цилиндрический, – с тоской подумал старший советник Андрей Андреевич, взглянув на себя в зеркало. – И надо было мне с этими алкоголиками состязаться! Ведь в такую даль сейчас тащиться! Черт бы подрал индийское гостеприимство, и делегацию эту, и Тадж Махал с Агрой вместе!»

Деваться было некуда – невзирая на последствия вчерашнего званого ужина, устроенного муниципальными властями Дели в честь делегации мэрии города Борзова, уже через час Андрею Андреевичу предстояло отправиться в далекий, нудный путь в город Агру с целью ознакомления борзовцев с его достопримечательностями, и в первую очередь с всемирно известной гробницей Тадж Махал, воздвигнутой Великим Моголом Шах Джаханом в память о своей любимой

жене Мумтаз.

Улица встретила советника ослепительным солнцем и пронзительным криком какой-то птички, которая, как показалось с больной головы Андрею Андреевичу, отчетливо прочирикала: «Чурбан! Опять водку пил! Вот послу скажу, он велит тебя распилить, распилить, распилить!».

Старший советник российского посольства в Индии Андрей Андреевич, которого посольская молодежь звала за глаза «страшным советником», на самом деле не имел ни в лице, ни в фигуре, ни в характере своем каких-либо чересчур безобразных особенностей, позволявших узреть в нем нечто действительно страшное. Надо, правда, признать, что постоянное поражение, которое несло стремление Андрея Андреевича к самоограничению в еде в неустанной борьбе с холодильником, таившим в прохладных недрах своих всяческие вкусности, в конце концов придало его корпусу излишнее благородство пропорций, а лицу – выражение постоянной легкой печали из-за эстетической несостоятельности собственной фигуры и опасения за здоровье, а вовсе не по поводу судеб человечества, как полагали некоторые наивные посольские дамы.

Впрочем, это не давало молодым нахальным дипломатам повода, по убеждению Андрея Андреевича, называть его «страшным». Скорее всего, рассудил он, дело было в их дурацком увлечении игрой слов. В конце концов «страшный советник» ограничился тем, что публично обозвал одного

из старших референтов (такая микробная дипломатическая должность, с которой когда-то начинал свою карьеру и сам Андрей Андреевич) «страшным референтом», и успокоился.

Дабы в дальнейшем не возвращаться более к этой теме, заметим, что старший советник – это человек, отвечающий в посольстве практически за все – от написания аналитических сообщений в Центр «о реакции в стране пребывания» до мельчайших хозяйственно-административных подробностей, вплоть до приема родов у любимой кошки посла, и отличается от дореволюционного околоточного надзирателя только тем, что в странах с теплым климатом от него не требуется чистить снег и скалывать лед с тротуаров.

Тем, кто слабо знаком с отечественной дипломатией, поясним, что написание откликов «о реакции в стране пребывания» на очередные судьбоносные или знаковые решения московского руководства – это как «Отче наш» для посольств и генконсульств. Измученный требованиями «немедленной и объективной реакции», которая зачастую следовала в стране пребывания с большим опозданием или, что было еще чаще, вообще не следовала, Андрей Андреевич завел себе список из десятка политиков, политологов и аналитиков, которых и «цитировал» в своих депешах, несколько не стесняясь тем, что названные им господа, возможно, и слыхом не слыхивали о предмете его писанины. Первое время Андрей Андреевич, сохранявший остат-

ки юношеской честности и наивности, называл себя в душе «сволочью-борзописцем», но потом вошел во вкус и стал выдавать такие перлы, что престарелый посол, подписывая его панегирики, кряхтел от наслаждения и сулил советнику, что тот «далеко пойдет». Эта идиллия чуть было не кончилась полным провалом, когда вконец зарвавшийся советник написал как-то со ссылкой на газету «Нахпур Таймс», что индийская общественность поздравляет президента Ельцина и всех россиян с успешным внедрением национальной идеи державного «Диттынаха!», способной дать отпор любым нахальным внешним и особенно внутренним запросам и притязаниям.

* * *

На улице было жарко. Так жарко, как может быть только в Дели в середине июня, когда столбик термометра переваливает за сорокаградусную отметку, а над городом неподвижно нависают могучие кучевые облака, несущие с Индийского океана муссонные ливни.

Жилой городок посольства словно вымер, лишь вдоль забора, прячась в тени деревьев, к выходу двигался какой-то товарищ, то и дело отирая платком багровое вспотевшее чело.

Советник с нескрываемой завистью посмотрел на прозрачный садовый шланг, вольготно раскинувшийся на трав-

ке, и подумал: «Как хорошо было бы хоть на пять минуток стать этим шлангом. Полежать бы так в теньке, да чтоб через тебя при этом пропускали ледяной лимонад с пузырьками газа. Или лучше пиво...» Припекало так, что даже грифы-стервятники, испокон веку парящие над древним городом в поисках чего-нибудь, еще совсем недавно жизнеутверждающе хрюкавшего, мычавшего, рычавшего или даже распевавшего веселые песни о прекрасном Хиндустане, а теперь завершившего свой земной путь и ставшего вкусной падалью, с угрюмым видом расселись по деревьям, распустив крылья, приоткрыв страшные клювы и хрипя от знойной истомы.

Советник с большим уважением относился к этим пернатым тварям, как-то раз убедительно доказавшим ему глубокую неправду высокомерного учения англичанина Чарльза Дарвина, утверждавшего, что разум присущ-де только людям, а животными, птицами и прочими земноводными гадами управляют единственно рефлексы и инстинкты.

«Чуден Ганг в тихую погоду, когда спокойно и величаво несет он в мутных волнах своих всякую гадость», – так, наверное, сказал бы Николай Васильевич Гоголь, окажись он каким-то чудом рядом с Андреем Андреевичем на огромном мосту над священным Гангом в самом священном городе Индии Бенаресе, откуда пару лет назад советник с удивлением наблюдал, как складно умеют работать смекалистые грифы. Нет ничего любезнее сердцу правоверных родствен-

ников усопшего индуса, чем предать его тело огненному погребению на костре на самом престижном месте – на лестницах-гхатах в Бенаресе, на берегу реки, а недожаренные по причине дождя или экономии дорогих дров останки покойного завернуть в саван и погрузить в воды Ганга. Грифы – огромные, тяжелые и в обычных условиях сварливые птицы, и, налети они на дрейфующую поживу всей стаей, то не миновать им ужасной давки и неотвратимой общей гибели на дне речном.

«Так вот! – думал тогда Андрей Андреевич, глядя на стройную очередь грифов, чинно ожидавших на берегу, пока один из их собратьев, плотно наклевавшись, улетит прочь, уступая другому место на кадавере. – Так вот! При чем здесь инстинкт? Налицо явные кооперация и согласованность, прямо как у ведомств, получивших приказ хорошенько выпотрошить сладко мздящую¹ тушу какого-нибудь зарвавшегося олигарха, вздумавшего поднять свою смрадную лапу на руководство царской семьи. Кажется, старикашка Дарвин вообще зря потащился на какие-то Галапагосы кожистых черепах изучать. Лучше бы он вокруг себя осмотрелся. У него всякие глупости о том, что человек – венец природы, как рукой сняло бы».

Садясь в автомобиль, чтобы ехать в гостиницу к борзов-

¹ «Мздеть» – новая глагольная форма, образованная от слова «мзда» (взятка, подношение). Означает «пахнуть взяткой». Например: «Замздело!» – почуял бюрократ Сидоров.

ской делегации, советник, продолжая испытывать припадок нравственных мук по поводу вчерашнего злоупотребления спиртными напитками, вновь мысленно вернулся к своим прежним рассуждениям о несостоятельности теории Дарвина о происхождении видов. «Взять, к примеру, обезьяну, от которой, как он говорит, все люди произошли. Мы, мол, в сто раз ее умнее и лучше! А я вот сомневаюсь, чтобы она стала вчера этот мерзкий индийский виски пить. Не такая она дура! Право, зря мы от нее произошли. Надо было бы и дальше ею оставаться!».

* * *

Утро второго дня визита в Дели делегации борзовской мэрии начиналось скверно. Держась на почтительном и безопасном расстоянии, советник с нарастающей тревогой наблюдал за бушевавшим в фойе первого этажа гостиницы мэром города Борзова. Обычно спокойный и уравновешенный, мэр, красный, как отварной рак, теперь произносил, нет – исторгал из себя невыносимые ругательства в адрес собственной делегации, да так свирепо и зычно, что сновавшие по залу индийцы – постояльцы и прислуга – стали собираться в маленькие кучки, тревожно переглядываясь и перешептываясь между собой, а завтракавшие в кафе какие-то европейского вида туристы дружно бросили хлебать овсянку и в недоумении воззрились на разбушевавшегося русского.

«Пора принимать меры! – испуганной птичкой порхнула мысль. – Индийцы сейчас за полицией побегут или, что еще хуже, его кондрашка хватит. Беда!»

– Ребята! – зашептал советник трем молодым дипломатам, закрепленным за членами делегации и тоже топтавшимся в фойе. – Живо дуйте наверх в номера и любой ценой доставьте этих алкашей сюда. Проблюйте их, умойте, оденьте и пулей вниз! Мэр их тут уже пятнадцать минут ждет!

– Скажите этим козлам бухим!.. – взревел высокий гость, умудрившийся сквозь собственные громовые проклятья слышать приглушенную команду Андрея Андреевича. – Скажите им, что если через пять минут их здесь не будет, то впредь дальше села Пережопина они у меня никогда и никуда не поедут, мать их!

– Вперед, ребята! – взмолился советник. Молодежь тут же бросилась вверх по лестнице, не дожидаясь лифта, а Андрей Андреевич повернулся к мэру и попробовал пошутить, чтобы хоть немного сбить накал страстей.

– Это, видать, делийский воздух так на них подействовал, Иван Иванович. Воздух самой большой демократии в мире, так сказать. Опять же нечаянная передозировка напитков при исполнении служебных обязанностей.

– Да бросьте вы! – сердито, но уже без прежней надсады сказал начальник. – Вы вот и ваши дипломаты вчера с нами на этом приеме у индийцев были? Были! Я был? Был! Вы все сегодня как стеклышко, я – тоже нормальный, а они что?!

Позорят ведь Борзов и Россию!

Далее разговор потек все же в более спокойном русле. Советник начал рассказывать о чудесах города Агра и знаменитой гробнице Тадж Махал, мэр стал задавать всякие вопросы...

– Скажите, Андрей Андреевич, – спросил мэр, – а йоги в Агре есть? Сколько о них слышал! Вот бы посмотреть их живьем! Устроить это можно?

– Запросто! Там их что алкашей у Белорусского вокзала... – сказал Андрей Андреевич и тут же осекся, моментально вспомнив, из-за чего только что свирепствовал мэр. «Зачем же я ему на больную мозоль соль сыплю!»

– Да, да, Иван Иванович, очень даже просто! – торопливо продолжил он. – Я лично знаю там одного по имени Махалингам², который недавно на всю Индию прославился.

– Это чем же? – живо заинтересовался мэр.

– Он, видите ли, несколько лет неподвижно просидел под баньяном – это у индусов такое священное дерево – храня обет молчания по божественному повелению, а на днях ему это занятие, видать, надоело наконец. Заговорил он и первым делом возвестил своим собравшимся почитателям, что Бог Шива послал ему божественную силу – шакти и велел в ознаменование и доказательство этого совершить подвиг – поднять лингамом грузовик с кирпичами.

– Чем? Лингамом? Это что же такое – какая-нибудь хре-

² «Маха» (хинди) – великий, огромный.

новина мудреная? Священный домкрат?

– Да нет, это общечеловеческая ценность, которая есть у каждого нормального мужика, кроме женщин, – пояснил советник.

Мэр басисто заржал.

– Вот как он у них называется! Надо запомнить. Ну, и что йог? Поднял? Рассказывайте!

– Рассказываю. Назначил йог день и час, толпа собралась огромная – тысяч так тридцать-сорок, не меньше, все радостные, взволнованные в ожидании великого чуда. Приехал и грузовик, как было обещано, до отказа набитый кирпичами. Йог встал из-под баньяна да и пошел себе прямехонько к грузовику.

Советник выдержал томительную паузу, как подобает делать хорошему рассказчику в наиболее интересном месте, и надеясь выиграть хоть еще немного времени для сбора членов делегации.

– Ну, ну, говорите скорей, что дальше было, чем дело-то кончилось? – взмолился мэр.

– Увы, Иван Иванович, ничем. Только было йог подошел к упомянутому транспортному средству и начал прикидывать, как бы половчее со своим лингамом к нему пристроиться, как подскочила полиция, схватила его за руки и арестовала за попытку нарушить общественную мораль и нравственность.

– Тьфу, черт бы их побрал! – расстроился мэр. – Вот все-

гда так, на самом интересном месте... Постойте-ка, Андрей Андреевич! Что-то уж больно история чудная. Может, вы немножко сочинили, а?

– Ничего себе сочинил! – изобразил возмущение советник. – Да вы знаете ли, что толпа, о которой я говорил, от огорчения впала в такое буйство, что властям пришлось почти сразу господина Махалингама выпустить, правда, получив от него обещание воздерживаться впредь от таких шоу. Об этом вся местная пресса несколько дней только и писала. Могу газеты показать.

– Не надо, я вам верю! Подумать только, какие интересные люди бывают! – заулыбался мэр. – Надо с этим... как вы сказали?.. Махапенисом?.. обязательно познакомиться. Пусть учудит нам какое-нибудь чудо!

– Попросим! – скромно пообещал советник и, оглянувшись, добавил – Идут, наконец!

Сидор Семеныч, заведовавший в родном Борзове жилищно-коммунальным хозяйством, Владимир Владимирович, ответственный за масскультсектор, Петр Степаныч, главный бухгалтер городской администрации и прочая борзовская знать, в разной степени похмелья и испуга в ожидании разноса от начальства, стала нетвердой походкой подтягиваться к мэру, источая удушливый запах перегара и одеколонов разных сортов, которыми она, видимо, надеялась перебить свирепый сивушный выхлоп. Не хватало только Афанасия Никитина, личного секретаря мэра, и по удивительной иро-

нии судьбы, тезки знаменитого тверского купца Афанасия Никитина, побывавшего столетия назад в Индии и написавшего о своих приключениях книгу «Хождение за три моря». Андрей Андреевич читал ее в далекие студенческие годы, но забыл напрочь, кроме фразы «...а жонки их чернявы да вертлявы зело».

– Вы что, духами опохмелялись? – поморщился мэр. – Где Афанасий?

Один из молодых дипломатов кратко и толково доложил, что, несмотря на все старания, просьбы, угрозы и даже пинок в зад, Афанасий, выпивший накануне интереса ради пальмовой самогонки местного разлива, чего нельзя было делать ни в коем случае, смог сделать несколько шагов от кровати к туалету, но затем «пошел в глухой отказ», окончательно и бесповоротно завалившись за кадку с фикусом.

– Ну и лингам с ним! – рявкнул мэр. – Пусть там и валяется! По машинам!

Выполняя указание, борзовцы россыпью поползли к выходу, а Андрей Андреевич, немного приотстав, начал с досадой выговаривать автору доклада о несчастном Афанасии.

– Сашка! Я ведь тебя специально вчера просил присматривать за Афанасием, чтобы он не чрезмерно злоупотреблял-то. Ведь ему сегодня до конца дня надо еще проект приветственной речи доделать...

– Да я ему об этом весь вечер талдычил, Андрей Андреевич, честное слово! А он только разозлился на меня и гово-

рит: «Отстать, парень, я эту речь в любом состоянии сделаю, и ты мне не нянька. Небось, когда тверской Афанасий эту пальмовку глушил, ему никто не мешал. А мне попробовать нельзя?». Вот он и попробовал!

– Много?

– Да, думаю, стакана три всосал.

– Уф!

– Да и вообще, Андрей Андреевич! – загорячился Саша. – Скажите вы мне по совести – разве я для того шесть лет в институте учился и уже два года в посольстве проработал, чтобы заезжими алкашами заниматься?

– А я что? Думаешь, я какое-нибудь медвытрезвителище заканчивал? Ты-то только два года, а я уже двадцать лет пашу на ниве родной дипломатии и таких типов видел, по сравнению с которыми твой Афанасий просто херувим небесный. Молод ты еще жаловаться! Значит, слушай сюда: я поехал с мэром в Агру, а ты, будь добр, приезжай в гостиницу во второй половине дня, чтобы Афанасий успел проспаться. Накорми его, приведи в порядок и помоги ему до нашего возвращения речь состряпать, да красивую, со всякими там «руси-хинди бхай-бхай», «слияние Волги и Ганга», «прекрасное здание российско-индийской дружбы» и прочей хреновиной. Ну, пока!

Драма в гостинице, разыгранная борзовцами, к сожалению, и впрямь не была чем-то новым и удивительным для Андрея Андреевича и сотен его мидовских коллег, рабо-

тавших в десятках посольств и консульств по всему белу свету. И чего только не довелось увидеть Андрею Андреевичу – пьяные «в дым» делегации разного уровня и профиля; «ссыпавшегося» по ступенькам трапа самолета хмельного губернатора большой российской области, широко известного в свое время оголтелым либерализмом и личной близостью к президенту Ельцину, которого он с пьяных глаз несколько раз назвал «мой пердизент»; описанный личным помощником большого начальника единственный экземпляр его приветственного выступления, и многое другое того же не столь смешного, сколь свинского свойства.

Поработав с сотнями отечественных визитеров, Андрей Андреевич пришел к твердому убеждению, что для многих из них главной целью было прокатиться в экзотическую Индию за казенный счет, хорошенько выпить и закусить, закупить товар и вообще славно провести время, не утруждая себя простым вопросом: «А зачем я здесь нужен?». Приезжало, конечно, и немало достойных людей, работу с которыми советник полагал не только служебной, но и почетной обязанностью, однако их число было несравнимо с капризной, часто полупьяной и совершенно бесполезной оравой всякого рода борцов за мир, профсоюзными, комсомольскими, молодежными и прочими вожаками многочисленных паразитарных организаций, рассматривавших посольство в качестве бюро путешествий. В отличие от индийцев, трепетно берегущих государственную «копейку» и наблюдавших за сво-

ими российскими партнерами с плохо скрытой брезгливостью, доморощенных «народных дипломатов» из России несколько не волновало, что потраченные на них впустую сотни тысяч долларов можно было бы использовать для поддержания больниц, интернатов, нищих сельских школ, где мыкали горе простые бедные соотечественники.

* * *

Не более чем через полчаса тряской езды делегация дружно потребовала остановиться у первого же туалета, чтобы перевести дух и оправиться. Притормозив у придорожного ресторана, где был туалет, советник запустил борзовцев внутрь, а сам остался на улице, где от нечего делать стал перемигиваться с очаровательной крошечной совой, сидевшей на невысоком дереве напротив входа в ресторан.

В поведении совы, которая не побоялась познакомиться с совершенно незнакомым ей человеком, не было ничего удивительного. В отличие от многих соотечественников Андрея Андреевича, индийцы никогда не обижают тварей Божьих, не кидаются в них всякими тяжелыми предметами, не стреляют в них разрывными пулями, крупной и даже мелкой дробью и не пытаются дать им хотя бы пинка, не говоря уже о том, что цивилизованное убийство диких животных и птиц, называемое «охотой», в Индии повсеместно и строжайше запрещено.

Милое общение Андрея Андреевича с птичкой было вскоре прервано. «Ом! Харе Рама, Харе Кришна! Харе, Харе, Харе! Ом!» – загудел над ухом советника неприятный голос.

На Андрея Андреевича вплотную надвинулся молодой, наглого вида белокожий кришнаит в длинной оранжевой робе. Размахивая кадилом и бросив на намеченную жертву испытующий вороватый взгляд, кришнаит торжественно возгласил на чистом английском:

– Внемли, брат мой, великой истине, открывшейся мне по милости Кришны. Внемли и запоминай:

В Бесконечности нет ни большого, ни малого.

Там нет ни пространства, ни времени.

Там всё всегда и везде.

Там всё и ничего!

– Здорово ты сказал! – изобразил восторг советник. – Я тоже страсть как люблю сочинять абстрактные стихи. Вот, послушай:

В там, где положено,

Все исправно чмокало и хлюпало.

– Хорошо, правда? Скажи, мой друг, ты откуда такой взялся? Из Америки? Отлично! Очень я люблю Америку! Скажи, пожалуйста, это правда, что в Бесконечности ничего

нет, даже денег?

– Именно! – важно подтвердил кришнаит. – Кстати, будь добр, подкинь немного божьему человеку, во имя священного ома.

– Рад бы, да у меня тоже совершенно «ом мани», то есть денег нет совсем. Хочешь, вместо денег дам тебе хороший бесплатный совет? Поезжай-ка ты лучше в Москву. Здесь народ больно умный, а там ты быстро озолотишься. Правда, могут и морду набить. Кстати, о морде. Иди-ка ты отсюда! Видишь, вон злые русские топают. Они ребята конкретные, православные, в Раме и Кришне плохо разбираются, но если решат с похмела, что ты гомик ряженный и ко мне пристаешь, то я тебе не завидую. Попутного ома, товарищ!

* * *

Автопробег Дели – Агра, так славно было начавшийся, оказался внезапно прерванным всего лишь в нескольких километрах от пункта назначения. Еще издали Андрей Андреевич заметил какой-то нездоровый ажиотаж на дороге и ее обочинах, который оказался при ближайшем рассмотрении акцией протеста «раста роко», когда индийские трудящиеся в знак несогласия с властями или хозяевами перекрывают все окрестные дороги. Посоветовав борзовцам вылезти из машин и немного размяться, советник направился разбираться с организаторами стачки.

Надо сказать, что индийский народ, сочтя себя обиженным или обманутым, не пьет с горя водку, не рассказывает друг другу скверные анекдоты про своих начальников, а обращается в суд, или к своему депутату, или в профсоюз, или в прессу в поисках защиты. Если это обращение не помогает, то индийский человек берет в руки дреколье, булыжник и прочее оружие пролетариата и идет вразумлять свое руководство, поскольку не верит, что авось все само по себе когда-нибудь и как-нибудь наладится, «по щучьему велению», как в глупой русской народной сказке про паразита и хулигана Емелю-дурака.

Руководитель акции протеста был вежлив, но тверд, однозначно дав понять советнику, что не пропустит ни русских стратегических партнеров, ни кого бы то ни было ни в Агру, ни обратно, пока не получит от властей полного удовлетворения своих требований. В его решимости можно было не сомневаться, однако Андрей Андреевич решил не сдаваться и для начала попросил индийца разъяснить суть дела, надеясь, что, выговорившись перед благодарной аудиторией, вождь смягчится и даст «добро» на проезд.

Неизвестно, помогла бы эта дипломатическая мудрость или нет, поскольку исход дела совершенно неожиданно и предельно быстро решил заведующий борзовским культурным сектором Владимир Владимирович, сумевший одним ловким ходом завоевать сердца индийцев.

Автокортеж посольства был не единственной жертвой

борьбы местного населения за свои права. У завала, устроенного на дороге, застыли и другие транспортные средства, в том числе какой-то грузовик – мусоровоз. С борта его до самой земли свисало нечто органическое, поразительно напоминавшее гигантскую, переливающуюся всеми цветами радуги соплю. Она произвела сильное впечатление на борзовцев, особенно на Владимира Владимировича, имевшего, видимо, в силу своих культурных служебных обязанностей более тонкую душевную организацию, нежели прочие сыны земли борзовской.

Предводитель трудового крестьянства пустился в долгий рассказ об озорстве какого-то помещика-заминдара, который, стакнувшись с местной политической элитой, бесцеремонно попирает права местных землеробов. Слушая индйца и сочувственно поддакивая ему в нужных местах, Андрей Андреевич краем глаза наблюдал за Владимиром Владимировичем, который, будто зачарованный коброй хомяк, не мог оторвать взора от поразительной сопли, воспроизводя при этом на своем похмельном лице все ее радужные оттенки, словно хамелеон. Окончательно добил борзовского культурника какой-то чумазый мальчишка, вертевшийся рядом с грузовиком. Не удовлетворившись визуальным осмотром разноцветного чуда, гадкий, нехороший ребенок, который наверняка кончит когда-нибудь очень плохо, ткнул его пальцем, который затем хорошенько обнюхал, а потом, весело подмигнув борзовцу, смачно облизал. Владимир Влади-

мирович, не откладывая дела в долгий ящик, молниеносно взорвался, подобно индонезийскому вулкану Кракатау в августе 1883 года, когда в атмосферу «было выброшено около 19 км^3 вулканического пепла и др. продуктов извержения, выпавших в смежных районах на пл. св. 800 тыс. км^2 »³.

– Что это с ним? Ему плохо? – спросил встревоженный индеец, показав на скрюченного судорогой борзовского делегата, шумно расстававшегося с остатками завтрака.

– Нет, ему хорошо, а будет еще лучше, – с отвращением молвил советник. – Просто его очень огорчил ваш ужасный рассказ о страданиях трудового народа.

– Спасибо тебе, брат! – со слезой в глазах народный вождь поблагодарил хрипящего, словно раненый огнетушитель, представителя далекой России. – Не надо так переживать! Победа все равно будет за нами.

– Вы, я вижу, хорошие люди и отлично поняли нас! – обратился он к советнику. – Большого нам от вас и не надо. Езжайте с Богом! Эй! Плохиндер! Блохиндер! Сучиндер! Паркаш! Куда, ты, бананамать, лезешь, Паркаш ПарAPERналия!? Я не тебя, а Паркаша Ахлювалию звал! Вот ведь бестолочь, клянусь навозом священной коровы! Идите скорее да живо разберите завал на дороге! Пусть русские братья, которые так славно нас поддержали, едут себе дальше.

Остаток пути до Агры делегация проделала, к счастью, без дальнейших осложнений. Очень бегло осмотрев бело-

³ Большая Советская Энциклопедия, 1973 г., т. 13, стр. 316.

мраморный Тадж Махал и вспотев на беспощадном солнышке, как негры в джаз-банде, борзовцы под руководством советника устремились на поиски йога, которые вскоре увенчались полным успехом.

Глава 2

Чудеса Индии

– Здравствуйте! Скажите, уважаемые, господин Махалингам здоров ли? Что-то его не видно, – вежливо обратился Андрей Андреевич на хинди к группе индийцев, сидевших на том самом месте под баньяном, где провел свои лучшие годы святой человек.

Индийцы дружно загалдели, охотно объясняя, что гуру-джи, то есть их учитель и наставник, не только жив и здоров, но находится в прекрасной спортивной форме и через какие-нибудь час-два намерен совершить по указанию бога Шивы очередное чудо, пройдя пешком по воде в городском бассейне «Шивмóча». На вопрос, как проехать к «Шивмóче», самый представительный из поклонников святого, напоминающий всклоченной шевелюрой, множеством амулетов и сиплым козлиным голосом исполнителя полоумной отечественной попсы, с нескрываемой гордостью сообщил, что проехать туда никак нельзя из-за великого стечения народа. Впрочем, он берется за очень умеренную мзду – почти бесплатно! – не только проводить, но и посадить дорогих гостей на лучшие места, поскольку его троюродный брат Паркаш Чучундра, председатель местного благотворительного фонда по сбору средств на прокорм священных обезьян «Агра макака бакшиш сервис», является одним из спонсо-

ров предстоящего чуда, и что стоит только ему этого брата попросить, так тот в лепешку расшибется, однако устроит все в самом лучшем виде для иностранных друзей, которые, кажется, прибыли в Агру из далекой России...

– Тпруу! – прервал излишне словоохотливого индийца советник. – Сколько?

– Тысячу рупий, сэр! – скромно потупив взор, ответил индеец.

Сумма была настолько несуразная, что у Андрея Андреевича перехватило дух от злости. Забыв доложить мэру, о чем, собственно, идет речь, он вступил в ожесточенный торг с оголтелым индийским спекулянтом, упирая на глубокую взаимную приязнь двух братских народов, великую личную дружбу между их вождями, огромную помощь, оказанную Россией Индии в борьбе с ее лютым врагом – Пакистаном, сославшись в конце концов на то, что сам бог Шива такое рвачество наверняка не одобрил бы.

– Ваши приятели нашли ведь деньги, чтобы добраться до Индии, не правда ли? – сладко улыбнулся индеец, явно пропустив мимо ушей лучшие доводы и аргументы советника. – Значит, у них найдется еще немного рупий, чтобы заплатить и вашему недостойному слуге.

Перейдя с хинди на родной мат, раздраженный Андрей Андреевич емко изложил борзовской делегации суть вопроса, предложив «с этим жадным гадом» не связываться и вообще лучше не лезть в проклятую «Шивмóчу», где в слу-

чае народных волнений из зрителей может получиться общий кошмарный форшмак с дроблеными костями.

– Нам ли, русским, бояться трудностей! – надменно ответил мэр. – Нас ни форшмаком, ни бешбармаком не запугать! А насчет денег... Петр Степаныч! Разберись-ка ты с ним живенько!

Петр Степаныч, пожилой, одутловатый главбух Борзова, поступил очень просто. Достав из бумажника зелененькую бумажку в пять долларов, что было намного меньше запрошенной тысячи рупий, он ткнул ей индийца прямо в нос и в усы и сделал вид, что сейчас же спрячет ее обратно в карман.

– Долларз! – взвизгнул индиец, пораженный магией баксов. Выхватив из рук бухгалтера деньги, он немедленно засунул их поглубже в свою набедренную повязку, бормоча что-то вроде «так бы сразу и сказали...», и энергичным жестом пригласил борзовцев следовать за ним.

Дальнейшее потрясло даже выдавшего виды Андрея Андреевича. Надо сказать, что гигантские скопища народу – до нескольких миллионов человек на нескольких квадратных километрах земли – не редкость для Индии. Много лет тому назад советский посол, пожилой степенный патриарх, в прошлом крупный партийный работник, просидев пару лет безвылазно в стенах родного посольства, собрался-таки в автомобильную поездку по стране пребывания для знакомства с ее достопримечательностями и обитателями, поставив себе среди прочих задач вполне конкретную цель –

узнать, как доходят до братского индийского народа многочисленные миролюбивые советские инициативы. Сам посол, имевший в коллективе ласковое прозвище «Динозаврыч», был буквально помешан на «борьбе Советского Союза за мир во всем мире», памятной россиянам старшего и среднего возрастов, в сознании которых навечно застряли лозунги и призывы, вроде «Нет нейтронной бомбе!», «Долой поджигателей ядерной войны!», «Руки прочь от Вьетнама», а также от Кубы, Гватемалы, Чили, Эфиопии и прочих гондурасов. Искренне веря, что миллионы бедных индийцев, ведущие ежедневную беспощадную борьбу за собственное физическое выживание, почему-то должны интересоваться борьбой за мир не меньше, чем он, посол не давал спуску дипломатам, заставляя их составлять бесчисленные индивидуальные и коллективные планы и отчеты о работе на «миролюбивом» направлении, побуждая и вынуждая распространять повсеместно книги, брошюры, памфлеты и прочий пропагандистский мусор, миллионами тонн печатавшийся советским агитпромом. Те из дипломатов, кто боролся за мир слабо и вяло, получали от посла свирепый нагоняй. Как-то раз по первое число влетело даже жене Андрея Андреевича, работавшей тогда, в их первой командировке в Индию, библиотекарем посольства, за то, что она, совершенно зачичкавшись с разбором огромной утренней корреспонденции, оставила лежать под лестницей несколько центнеров пропагандистской макулатуры. Все это добро попало на глаза «Ди-

нозаврычу», которого в тот роковой день черт понес именно по этой боковой, а не главной лестнице, вызвав у него приступ гневного исступления.

– Да что же это такое! – кричал посол, багровея исцарапанной лысиной, на которую недавно по ошибке спикировал коршун, приняв ее за нечто самостоятельное и съедобное. – Индийцы ждут не дождутся нашей литературы, а она, небось, сейчас бабские каталоги мод изучает! Уволю!

К счастью, «Динозаврыч» был отходчив – после искреннего покаяния жена Андрея Андреевича была амнистирована и с утроенной энергией принялась распихивать брошюры по почтовым ящикам.

Так вот, отправившись в поездку по стране, «Динозаврыч» в конце концов попал в город Бенарес, где в тот год со всей Индии собралось около двенадцати миллионов паломников-индусов на большой религиозный праздник «Кумбх Мела», кульминацией которого было одновременное омовение всех их в водах священного Ганга с целью смыть грехи и попросить Бога о лучшей участи в дальнейшей жизни. Вернувшись домой в родное посольство, на первом же совещании посол поведал об увиденном следующее: «Да их там миллионы! Кошмар! Все голые, грязные! Кошмар! Все вместе как кинутся в Ганг! Кошмар! Какие там мирные инициативы! Кошмар!».

Короче, до «Динозаврыча» дошло, куда он попал, и миротворческий энтузиазм у него как рукой сняло, отчего всему

дипсоставу, измученному борьбой за мир, конечно, тут же здорово полегчало. Завершая невольное отступление от рассказа о переходе борзовцев через Агру, заметим последнее — славный в общем-то человек, старик «Динозаврыч» в смысле праведной «борьбы за пропащее дело» ничем не отличался от многих других руководителей, которые заодно с сотнями своих подчиненных впоследствии столь же истово боролись то за «новое политическое мышление», то за любовь и братскую дружбу американцев, а затем коллективно и рьяно пестовали жупел международного терроризма, изобретенного американцами для того, чтобы под предлогом борьбы с ним наносить удары по любой точке земного шара, включая, буде надо, и Россию, обнаруживая тем самым связь времен, дисциплинированность и похвальную преемственность в своей готовности безропотно бороться за то, за что высочайше велено, даже если самого предмета «борьбы» в природе не было и быть не могло.

Итак, как сказано, дальнейшее потрясло даже издавшего виды Андрея Андреевича, побывавшего до того в Агре где-то десять-двенадцать раз. И в обычных условиях переход через центральные улицы Агры, битком забитые людьми, автомобилями, велосипедистами и рикшами, всяким мелким и крупным рогатым скотом, в том числе скопищами священных коров, был нелегким делом. Теперь же, когда к этому библейскому кавардаку добавились еще многие тысячи народу, неукротимо попершего смотреть на чудо в бассей-

не «Шивмóча», ситуация стала просто угрожающей. Стиснутый со всех сторон, словно килька в томате, Андрей Андреевич судорожно вцепился обеими руками в мэра и ближайшего борзовца, стараясь при этом не потерять из виду остальных борзовцев и индийского проводника. Отчаянно пихаясь и толкаясь, чтобы проложить дорогу соотечественникам, он проклинал себя за то, что втянулся в это гибельное мероприятие. Вскоре, затисканный со всех сторон, одурев от густой вони толпы, Андрей Андреевич почувствовал, что силы покидают его, а тело и душу охватывают тягостная истома и дурман безнадежности.

«Дело дохлое, Андреич! – уловил он остатками сознания издевательски зашептавший внутренний голос. – Ну, куда ты полез! Расплющат ведь тебя сейчас вместе с борзовцами к чертовой матери! Интересно знать, индолог ты дипломированный, в кого ты после этого перевоплотишься – в священную корову или в жабу?»

Андрей Андреевич на «жабу» не обиделся, ибо ему было уже почти все равно. Так бы и сгинуть ему вместе с борзовцами, не последуй тут же чересчур болезненный удар коленом, голенью, лбом, а затем и всем организмом обо что-то массивное, тупое и вместе с тем острое. Моментально придя в себя и открыв очи, Андрей Андреевич узрел прямо перед собой огромную корову, наставившую на него выкрашенные какой-то зеленой дрянью рога и явно нацеливающуюся нанести ему решающий удар.

– Пошла вон! – сказал корове советник и коротким, но мощным боковым тычком двинул ее в глаз под одобрителный хрип борзовского мэра, который, к удивлению Андрея Андреевича, был рядом, сплоченно и организованно рассекая толпу вместе с прочими борзовцами.

– Эва! – хвастливо сказал советник, увидев как от его удара шарахнулась корова, сминая своей тушей последнюю преграду из людских тел у самых врат «Шивмóчи».

– Эка! – похвалил его мэр, протискиваясь вместе с остальными во двор бассейна. – Ну, ты наш мужик, Андреич!

Дальше дело пошло легче. Благодаря протекции господина Паркаша Чучундры, делегация сумела на удивление быстро попасть на престижные места рядом с самой кромкой воды и, немного отдышавшись и утерев струи пота, стала озираться во все стороны.

Огромный зал «Шивмóчи» был набит народом сверх всякой меры. Радостно галдя, тысячи счастливииков, такие же потные и потрепанные, как и борзовцы, совершенно не реагировали на зычный рев мегафона, призывавшего их успокоиться и дать возможность гуру-джи приступить к делу. Впрочем, гвалт почти немедленно стих, стоило только самому господину Махалингаму, облаченному в белоснежные одеяния, появиться в боковом проходе зала.

Народ благоговейно замер, наблюдая, как, усевшись у края бассейна в позе «лотоса», великий учитель устремил пристальный взор на воду, словно гипнотизируя ее, и начал

монотонно произносить священные заклинания – мантры, прося Шиву ниспослать ему божественную силу – шакти для совершения подвига. Господин Махалингам бормотал молитвы очень долго, однако ни один из зрителей не посмел даже тихим писком помешать ему. Тысячи мух – и те, похоже, прониклись серьезностью момента, прекратив барражировать в воздушном пространстве и почтительно умолкнув.

Начитавшись мантр всласть, святой человек оторвал тощий зад от кафельной плитки пола, встал на ноги, воздел руки к потолку, опустил их и, не затягивая дела дальше, легким изящным шагом, будто балерина, ступил на водную гладь, заполнившую чашу бассейна по самую кромку.

– А-ах! – единой грудью выдохнула толпа, вскочив на ноги.

– В-з-з-з! – взвыли мухи, взмыв в воздух.

– Бульк! – ответила вода, в соответствии с законами физики принимая в мутноватые недра свои более тяжелое, чем она, тело господина Махалингама, камнем пошедшего на дно.

– Помогите! – взревел мегафон. – Гуру-джи утонул!

«Кончилась у Шивы шакти. Сейчас что-то будет!» – только и успел подумать Андрей Андреевич, как вдруг мэр Иван Иванович, не теряя ни секунды даром, подскочил к краю бассейна, скинул ботинки и рыбкой сиганул в воду, поразительно быстро вытащив на поверхность, а затем и на бортик бассейна святого человека. Все это он успел проделать так мол-

ниеносно, что всеобщая паника не успела даже толком начаться.

Не обращая внимания на бестолково суетившихся вокруг организаторов и спонсоров провалившегося перформанса, Иван Иванович грамотно положил тело гуру-джи лицом вверх и изо всей мочи надавил обеими ладонями и корпусом утопшему на живот.

– Эррып! – отозвался великий наставник и учитель, резко подняв с пола свой торс, словно Ванька-Встанька. – Аррппп! – рыгнул он еще громче и отчетливей, после чего из рта, ушей и ноздрей его фонтаном брызнули потоки воды.

– Будет жить! – заключил довольный мэр, передав что-то забормотавшего гуру-джи в руки его приспешников. – Чего он бормочет-то? Спасибо, что ли, говорит?

– Нет! – перекрывая рев в зале, закричал в ухо мэру Андрей Андреевич. – Он говорит, что допустил в одной молитве маленькую ошибку, потому-де и пошел на дно по воле огорченного Шивы.

– Черт с ним, и с Шивой, и со спасибом ихним, Иваныч! – подхватил крик советника смысленный бухгалтер Петр Степаныч. – Тикать надо отсюда сейчас же! Ты только посмотри!

Бросив быстрый взгляд на завертевшуюся бурным водоворотом чудовищную толпу взбудораженных зрителей, вопящих в страхе и экстазе, мэр мгновенно оценил обстановку: «...И возмутился народ против Пророка своего, и настучал

ему по башке, а заодно и всем присутствующим».

– Ходу! Драпаем! Вот через эту дырку! – показал он на узкий боковой проход, откуда совсем недавно в лучах славы появился гвоздь программы, то есть господин Махалингам, и куда его теперь, полубесчувственного, тащила группа почитателей.

Борзовцам и Андрею Андреевичу сказочно повезло. Пулей выскочив на почти пустынный задний двор бассейна, который еще не успели запрудить толпы народа, они с ходу влетели в чей-то пустой микроавтобус, мирно поджидавший своих пассажиров у открытых ворот, сунули ошалевшему водителю несколько рупий и тычками, бранью и громовыми проклятиями заставили его во весь опор лететь от «Шивмóчи» к Тадж Махалу, где их поджидали посольские машины, вскоре унесшие измученных, но радостно возбужденных борзовцев в родной Дели к поджидавшему их похмельному Афанасию Никитину, а Андрея Андреевича – к его любимой жене Наташе.

Глава 3

Любовь в условиях заграницы

Сладок, легок и приятен был сон советника. Грезилось ему, будто звонит ему домой посол и ласково так, протяжно говорит: «Андрей Андреевич, дорогой ты мой, проснись. Только что телеграмма с литером вне очереди из Москвы пришла. Знаешь, за чьей подписью? Самого Президента! Не веришь? Говоришь, что Президент телеграммы в посольства не пишет? А он взял да и написал, да еще и подписал Имам Всея Руси, а также Царства Чеченского и остального Великий Князь».

– А что пишет-то отец наш родной? – спросил советник, начиная чувствовать легкую тревогу.

– Пишет он так: «Дошло до нас, что есть в посольстве твоём советник умелый, по прозвищу Страшной, который зело борзо и приятно шифровки о реакции в стране пребывания» на деяния мои мудрые пишет. Так-то полюбился он нам, что велим тебе, посол, впредь его не Страшным” звать, а “Леполобным” величать, да еще скажи ему, что назначаем его министром нашим по делам Чечни главным, с проживанием во граде Грозном, с окладом противу прежнего тройным, а также деньгами “гробовыми” немалыми».

– Не надо, батюшка! – услышал советник свой крик и... проснулся. Утирая холодный пот, он тупо уставился на за-

ливавшийся звонком телефон, стоявший рядом, на ночной тумбочке. «Какого черта мне такие старославянские ужасы снятся? – подумал он, усилив воли прогоняя сон. – И чего телефон посередь ночи звонит-то? Уж не посол ли, в самом деле?» Звонил и впрямь посол.

– Андрей! Извини, что разбудил. Тут, понимаешь, такое дело – только я спать улегся, как звонит мне...

– Президент? – шепотом спросил Андрей Андреевич, еще не отошедший от внезапно прерванного сна.

– Какой президент? – удивился посол. – Петр Иваныч, водитель наш. Пьяный-препьяный, бормочет что-то такое про выговор да продление ему командировки, и еще о чем-то, не разберешь.

– Вот козел! – рассвирепел советник. – Счас я ему! Со всем обалдел! Он откуда звонил?

– Из гаража. Он там дежурит сегодня. Ты, будь добр, сходи туда с ребятами, Игорем и Васей, посмотри, как он там, разберись с ним и скажи, чтобы мне ночью домой пьяным не звонил. Я с любым готов говорить, но и меня пожалейте – я устал, я спать хочу, я снотворное принял, а он что же вытворяет? Поговори строго, но палку не перегибай, ладно?

Быстро одевшись и испытывая немалое облегчение, что не в Чечню главным министром едет, а спешит разобраться всего лишь навсего с безобидным алкашом Петром Ивановичем, Андрей Андреевич бодро потопал в гараж в сопровождении водителей Игоря и Васи, уведомленных им

о безобразии их коллеги Пети.

– Ну? – зайдя в гараж, строго спросил советник Петра Иваныча, вольготно раскинувшего свои изрядные телеса на диване в комнате отдыха водителей.

– Дык! – заявил Петр Иваныч, что следовало понимать приблизительно так: «Виноват, Андрей Андреич, пьян на боевом посту, но и вы меня поймите – жизнь совсем заела, зарплата маленькая, жена заначку отбирает, культурно выпить дома, дура эдакая, не позволяет, посол командировку продлевать мне не хочет, говорит, что вы-де, Петр Иваныч, пьяница. Так я измучился, что выпил вот маленько для храбрости и решил по-простому поговорить с послом-то – продлите, мол, командировочку. Я человек хороший, вас люблю и уважаю, а пить впредь не буду, ни-ни!».

– Дык-то оно дык! – мрачно согласился Андрей Андреевич. – Однако и вы посла поймите – он человек государственный, его сюда сам Президент прислал, работой он побольше вашего замученный, спать лег после трудов праведных, а вы ему ночью домой по телефону наявиваете да в трубку нечленораздельно мычите, поскольку спьяну даже «мама» сказать не можете. Это разве дело? С вас, кстати, еще ведь выговор не сняли за вождение в нетрезвом виде, а вы о продлении просите. Хорошие люди таким свинским образом с начальством не обращаются. За такие подвиги в Чечню вас заслать мало, Петр Иваныч!

– Х-р-р! – возразил Петр Иваныч, окончательно впадая

в пьяную кому.

– Понял. Главные дебаты придется перенести на завтра, – подвел итог разговора советник и обратился к двум сопровождающим его сослуживцам Петра Ивановича. – Игорь Викторович! Василий Васильевич! Будьте добры – доставьте тело на дом и сдайте его супруге, и, пожалуйста, чтобы без членовредительства.

– Член ему пусть жена вредит! – сурово молвил Игорь Викторович, окидывая тяжелым взглядом тушу Петра Ивановича. – Мы его только разок-другой на лестнице уроним, но аккуратно, даже шкурку кабану этому не попортим. Да, Вась?

– Как знаете, мужики, – устало махнул рукой советник. – Я спать пошел. Завтра, ко всему прочему, мне еще с похмельным Петром Ивановичем отношения выяснять придется. Тоже не сахар, по правде сказать.

* * *

Выступление российского политолога, прибывшего из Москвы, индийцам явно нравилось. Английское произношение оратора было, правда, несколько корявым, зато с лихвой окупалось красотой и лихостью стиля. С одобрением и легким смешком были восприняты слова о «маленьком ядерном скунсе», которого лучше не трогать. Аудитория, без дополнительных подсказок выступающего, сразу догада-

лась, что речь идет о заклятом враге Индии – Пакистане, которого российский гость, понятное дело, не хочет называть по имени, исходя из соображений дипломатической деликатности. Под сочувственное охание зала прошла и фраза об «ослабевшем российском слоне, которого каждая международная моська норовит теперь ухватить за брюки».

«Насчет слоновых брюк Валерка чего-то загнул. Написал бы лучше – за хобот – благосклонно покосился Андрей Андреевич на сидевшего рядом с ним главного посольского речеписца Валеру, который, гордо расправив плечи и покрасневшись от удовольствия, слушал, как высокий гость из Москвы озвучивает текст написанного им выступления. «А вообще-то молодец парень! Растет прямо на глазах, – продолжал размышлять Андрей Андреевич сквозь дремоту, которая наваливалась на него после бессонной ночи, проведенной за разбирательством безобразного поведения Петра Иваныча. – Да и насчет брюк-то, если разобраться, совсем неплохо у него вышло. Подумаешь – за хобот! Это каждый может написать, а вот цапнуть слона за брюки – это надо иметь фантазию и вкус к живому слову. Взять, например, Есенина. Кабы жил он в Индии, то, небось, тоже написал бы что-то вроде – “и слонов, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове”. Надо бы похлопотать перед послом за Валерку, чтобы ему поскорее следующий дипломатический ранг присвоили».

Речь и впрямь была хороша. В ней было все, что нуж-

но, – и «двойные стандарты США в области ядерного нераспространения», и «средства сдерживания», и «попытки США взять на себя роль верховного арбитра в международных делах», и «справедливое мироустройство, зиждущееся на принципе многополярности», и прочая международная муть, а также всякие вкусные специальные термины – «расщепматериалы», «договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний», «противоракетная оборона театра военных действий» и т. д.

Андрей Андреевич аж тихо крякнул от удовольствия и гордости за Валеру, услышав, что «для США ракетно-ядерной программы Израиля вроде бы как не существует». «Именно! Не существует! – в благодушном сонном оцепенении подумал Андрей Андреевич. – Ишь, прохвосты!»

Еще немного, и Андрей Андреевич заснул бы окончательно, ибо гладкая речь, а также «недосып», образовавшийся по вине Петра Ивановича, медленно, но верно брали верх над его затухающим сознанием. К сожалению, весьма вскоре блаженное коматозное состояние, в которое уже почти впал советник, было прервано самым бесцеремонным образом – сначала отчетливым веселым смехом из разных концов аудитории, а затем и дружным хохотом всего зала, пораженного удивительным замечанием оратора о том, что «мерзкое чудовище международного терроризма опутало своими склизкими гениталиями весь белый свет».

– Валерка, убью! – яростно зашипел враз проснувшийся

Андрей Андреевич на съездившегося молодого дипломата. – Ты зачем ему в речугу вместо «tentacles», то есть «щупальца», «testicles» вставил?! Ты что, не знаешь, что «testicles» – это мужские причиндалы, «яйца», а вовсе не щупальца? Ох, осрамил! Признавайся, нарочно?

– Нет, нет!!! – взвизгнул Валерка. – Это Ирка Каджурахо, дура озабоченная, такую хреновину напечатала, а я пропустил впопыхах.

– Это мы разберемся! – свирепо пообещал советник. – Повезло тебе, что посла здесь нет. Он тебе «щупальца» живо поотрывал бы, под самый корень. Твое счастье, что этот политулх, кажется, ничего не понял. Ишь, как довольно озирается.

Суровое закрытое разбирательство показало, что... ничего оно, впрочем, не показало. Ирка Каджурахо, заведующая канцелярией посольства, тараша на советника и Валерку наглые черные очи, упрямо утверждала, что никаких «яиц» в текст она не вставляла, ни нарочно, ни случайно, поскольку вообще не знает, каким английским словом они обозначаются, а добросовестно напечатала то, что ей сдали в работу. Валерку, и без того измученного борьбой с международным терроризмом, Андрей Андреевич решил оставить в покое, склонившись в конце концов к мнению, что виновата все-таки Ирка, которая то и дело допускала подозрительные опечатки – «ядренный фактор» вместо «ядерного», «зашторно-религиозная возня» вместо «религиозно-общинной

розни», «неоправданно резкая эрекция Вашингтона» вместо «реакции» и т. д., да и вообще славилась в посольстве и далеко за его окрестностями излишне игривым нравом. Само свое прозвище – «Каджурахо» – Ирка заработала не случайно. Участвуя как-то раз в собрании коллектива, на котором решался вопрос об экскурсионных поездках с целью ознакомления с достопримечательностями страны пребывания, Ирка так упорно талдычила о необходимости съездить в Каджурахо – древний храмовый комплекс, богато украшенный десятками барельефов с изображением множества изощренных поз полового акта, – что ведущий собрания, офицер по безопасности Жора Галкин, лучше других осведомленный об амурных приключениях Ирки, не выдержал наконец и рывкнул на весь зал своим сиплым голосом: «Каджурахо, Каджурахо! Сама ты Каджурахо!».

Строго говоря, милой девушке Ирке и некоторым ее товаркам из посольства, торгпредства и аппарата экономического советника ехать в Каджурахо было совершенно обязательно, ибо они вряд ли познали бы там нечто новое. Задор молодости, благоприятный жаркий климат и обильное питание, в сочетании с возможностями, предоставляемыми сотнями холостых специалистов, следовавших через Дели на объекты российско-индийского сотрудничества, многочисленными делегациями из Москвы, не говоря уже о внушительном мужском потенциале загранучреждений в самом городе, делали личную жизнь Ирки и ее подруг столь напря-

женной и многообразной, что, право, им нечему было учиться у славных древнеиндийских безобразниц, изображенных на барельефах Каджурахо.

* * *

Не добившись признательных показаний от Ирки, советник решил предать дело о «склизких гениталиях международного терроризма» полному забвению. Он вспомнил, что и предыдущие руководители посольства, которых Андрей Андреевич знал в годы своей дипломатической молодости, также неоднократно подавали достойные подражания примеры мудрой административной сдержанности, сталкиваясь с такими проявлениями живой природы, как мелкое хулиганство на почве секса. Кроме того, ни уголовный кодекс, ни моральный кодекс строителя коммунизма, ни даже служебные инструкции не содержали четких карательных указаний на сей счет, что иногда позволяло руководителям безнаказанно допускать гуманность и даже либерализм. «Можно ли, например, оправдать пьяного молодого самца, пытающегося по ошибке вместо своей возлюбленной вступить в связь с престарелой дамой, вовсе того не желающей? Все зависит от обстоятельств проявления половой несдержанности», – степенно размышлял советник, вспоминая эпизод, случившийся в посольстве многие годы тому назад.

В тот роковой день в Дели пролетом в Мадрас для участия в каком-то востоковедческом семинаре прибыла престарелая профессорша из Питера. Ее рейс в Мадрас должен был отбыть на следующий день, и ученую бабушку следовало пристроить где-нибудь на ночь. Денег на гостиницу в городе у нее не хватало, свободных квартир в жилом городке посольства не оказалось, а посему научного сотрудника разместили на постой к одной молодой машинистке, забыв сообщить ей об этом.

Машинистка, как на грех, задерживалась в посольстве до позднего вечера, печатая очередное обращение ЦК КПСС к братским партиям о решимости СССР «бросить на чашу весов свой могучий потенциал» по какому-то важному поводу, так что уставшая с дороги бабушка в полном одиночестве быстро жевнула пару бутербродов, может быть, даже приняла душ, погасила свет и завалилась спать на свободную кровать, предвкушая, как завтра она поразит своих мадрасских коллег какими-нибудь новыми смелыми гипотезами об исторических корнях стратегического партнерства между Индией и Советским Союзом, например, о том, что Рюрик, Трувор и Синеус, оказывается, пришли на Русь не из чуждой русскому народу Скандинавии, а из дружественной Индии. «Или наоборот? Сказать им разве, что их любимый основатель древнеиндийского царства император Ашока на самом деле внебрачный сын русского князя Рериха Неглупого, совершившего в свое время дружеский налет на Гималаи? То-

то они обалдеют! А вот ежели потом эту самую идейку подать в Москве на самый верх, то может, панимашь, получить-ся очень даже судьбоносно и знаково!» – грезила бабушка, погружаясь в сон.

Страшно далек от таких умных мыслей был молодой человек, шатко, но упорно топавший в это время в сторону квартиры, где жила его возлюбленная машинистка и где нашла приют ученая старушка, о присутствии которой он был совершенно «не в курсе». Нельзя, конечно, исключать, что, преодолевая последние метры до места сладкого свидания, он представлял себя как раз императором Ашокой, который вместе со своей самой любимой женой Маха Йони⁴ зашел в древнеиндийский трактир и завязал следующий разговор:

– Ну, что сегодня будем кушать? Ухо слона в манговом соусе хочешь?

– Нет, надоело. Мне бы картошечки.

– Чалэк! Даме – картошки, а мне шей и пару пива. Ешь, пей, милая, да пойдем скорее к тебе камасутрой⁵ заниматься.

Впрочем, как мы предполагаем, он скорее всего вообще не мог думать, поскольку только что хорошенько попил «ерша» из водки с пивом вместе со своим другом сантехником – унитазных дел мастером Васей и был направляем впе-

⁴ Йони (санскрит) – антоним «лингама».

⁵ «Камасутра» – очень древнеиндийский, чрезвычайно сложный философский трактат об искусстве любви. Желаящим разобраться рекомендуем начать с книжки-раскраски «Камасутра для самых маленьких» под редакцией Ивана Ивановича Газгольдера.

ред лишь древним инстинктом любви.

Будь ученая бабушка поспокойней и посообразительней, то ее неожиданная встреча с молодым человеком вполне могла бы закончиться, как, скажем, в «Декамероне» Боккаччо, или «Гептамероне» Маргариты Наваррской, или «Приятных ночах» Страпаролы, то есть к полному удовлетворению сторон. Все, что от нее требовалось, так это не включать свет и не подавать своего сиплого старушечьего голоса, дабы не спугнуть юношу, быстро скинувшего одежды и заключившего ее в свои страстные объятия, и уж тем более не испускать ужасных воплей, вроде индийского Маугли, к которому ночью ворвался тигр Шер Хан⁶.

⁶ Упоминание о подлинных, а не выдуманных сочинителем Р. Кипплингом последствиях встречи Шер Хана с Маугли содержится в малоизвестном произведении г-на Табаки «Судьба писателя», том XX: «Так вот, значитца, когда господин Шер Хан этого жирного Маугли за один присест скушать изволили, то стало им зело нехорошо и муторно, прям смерть. Прознал про то Шайтан, явился, эта, к Повелителю и предерзостно так молвит: «Ну, что, сдаете дела, Ваше Превосходительство? Я ведь по Вашу душу пришел!» А господин Президент, эта, как засмеется: «Чаво? Какая такая душа? Да у меня ее отродясь не было!» И так-то сделалось ему весело, так-то хорошо, что он сейчас же на поправку пошел, а Дьявол, ничтожества своего устыдись, сгинул прочь». Кстати, та же справедливая судьба постигла впоследствии и самого певца английского колониализма Р. Кипплинга, как следует из XXI тома сочинений того же господина Табаки: «...а господин Шер Хан мне, эта, и говорит: «До чего же невкусным оказался этот твой Кипплинг! Жилистый, костлявый и бандерлогами пахнет. Нипочем бы не стал его кушать, не напиши он это вранье про Маугли». А я ему, эта, и отвечаю: «Нам все полезно, что в рот полезло, господин Президент. Прикажите идти дальше на Север, Ваше Превосходительство?» А он, эта, как рявкнет: «Именно! Иди-ка ты, шакал, в Катманду!».

Мысленно поставив себя на место насмерть перепуганного молодого человека, вынужденного внезапно бежать с любовного ристалища в чем мать родила, тогдашнее руководство посольства не только не стало «шить» ему дела о попытке изнасилования, как того добивалась профессорша, но даже утаило от нее его личность, ссылаясь на невозможность опознания виновного в кромешном мраке ночи. В общем, бабушка улетела несолоно хлебавши в Мадрас, а молодой человек отделался суровым отеческим внушением.

Другой урок из истории с Иркой Каджурахо, а именно, что гуманизм до добра не доводит, Андрей Андреевич получил несколько позже, когда ему пришлось высылать из Дели в Москву упомянутую Ирку и еще двух девиц, взятых с поличным за занятием проституцией с иностранцами в одной из гостиниц. Так что, выслушивая впоследствии реплики апологетов вседозволенности, расплодившихся в России в новые демократические времена, об отсутствии секса при советской власти, советник лишь горько усмехался, твердо зная, что уже чего-чего другого, а этого добра всегда хватало в избытке.

Глава 4

В Москве

Главным удовольствием, которым одарила родная Москва Андрея Андреевича, приехавшего в отпуск из знойного и душного Дели, стали ежедневные утренние прогулки с внуком Лешей, по которому Андрей Андреевич сердечно соскучился. Мальчишка был еще совсем маленький, но уже шустрый и не в меру бодрый, совсем как его бабушка в молодые годы. Кроме того, как и положено мальчику его возраста, Лешка без передыху сыпал вопросами, на которые требовал быстрого и точного ответа. Вот и сейчас, заметив стремительно летящую с истошным подвывом иномарку с поблескивающим синим маячком на крыше, ребенок проводил ее взглядом, дождался, пока она скроется за поворотом Можайского шоссе, и спросил:

– Дед, а дед!!! Куда этот дяденька так быстро едет, и еще так жалобно кричит: «Ой-ой-ой! Уй-ю-юй!»?

Чувствуя в себе прилив утренней бодрости и хорошего настроения, Андрей Андреевич решил подшутить над внуком. Остановившись и нахмутив брови, будто в раздумье, он изрек:

– Дяденька!? Где ты видел дяденьку!? Это маленький хищный динозавр. Он удирает от погони и жалобно так кричит: «Уй-ю-юй! Помогите! Спасите!». Помнишь, мы с тобой

вчера кино смотрели про динозавров? Вот он один из них и есть!

– А как его зовут? И почему за ним гонятся? Его что, слопать хотят? – тут же последовал каскад вопросов.

– Как зовут? Точно не помню. У этих динозавров названия такие мудреные. Давай, мы его сами назовем, например, Депутат Семеныч. А драпает он, наверное, потому, что напроказил что-нибудь этакое, понял?

– Понял! – подтвердил внук и сообщил. – Сегодня утром наш кот Гаврюшка в прихожей накакал, а потом удирал от бабушки. Она за ним с тапком гонялась и ругалась немножко.

– Ну, вот, видишь, и он тоже нагадил, а за ним поэтому и гоняются. Вон, смотри, смотри, еще два динозавра спешат! – мимо Андрея Андреевича и его внука со страшным визгом, надсадным кряканьем и уханьем почти одновременно проскочили две огромные сине-белые милицейские машины.

«Узы-узы-узы-узы!!!» – орала первая. «Карр-карр-карр!!!» – страшным металлическим голосом вторила ей вторая.

– Ух ты! – восхитился внук. – А эти кто?

– Это, Лешенька, наверное, Удав Иваныч и Хам Степаныч. Вот они его сейчас...

Тут Андрея Андреевича прервал совсем уже невыносимый звук. «Арргх-а-р-р-гх!!! Ам-ам-ам!!! У-р-р-п-у-р-р-

п!!!» – сотряс атмосферу рев чудовищных размеров джипа с черными стеклами.

– Дед-а-а! – испугался мальчишка. – Говори скорее – кто это такой! Он что, тоже за этим маленьким динозавриком гонится?

– Да, нет, миленький. Это главный динозавр – Олигарх Абрамыч, и маленькому динозаврику он друг. Он вот этих двоих плохих динозавров как догонит, так и скушает, чтобы маленьких не обижали.

Внук крепко призадумался и наморщил нос, явно готовя еще один вопрос.

– Дед, а дед! А ты хотел бы быть динозавром?

– Нет, Лешенька, больно уж они все страшные и гадкие. Не хочу и тебе не советую. Оставайся ты лучше человеком. Пойдем-ка домой! Мне на работу пора. Если опоздаю, то Ирочка меня ждать не станет.

* * *

Красно-кирпичная «девятка» с трудом вырвалась из «пробки» на Кутузовском проспекте и, продвинувшись немного в сторону Киевского вокзала по Большой Дорогомиловской улице, опять застряла в едва ползущем в сторону Москвы-реки потоке автомобилей.

– Зачем я только согласилась? – с раздражением заявила дочь Андрея Андреевича Ирочка, сидевшая за рулем «де-

вятки». – Ты что, своим ходом до МИДа добраться не мог? Я ведь сейчас на работу опоздаю. И вот так каждый день, что утром, что вечером – черта с два здесь из-за этих кортежей с начальниками проедешь. Летят как оголтелые, а все остальные стой, жди, пока они проедут. Ну хорошо, утром куда летят, понятно – Отечество спасать, а вот вечером-то куда так торопятся с уханьем и свистом? На ужин, что ли? Неужели так жрать хочется?

– Ты пойми, миленькая, что люди они государственные, и время у них очень ценное. Жрать, впрочем, тоже хотят, как простые. А вообще-то, эта проблема не стоит выеденного Колумбова яйца. Я бы ее запросто решил.

– Интересно, каким образом?

– Нет ничего проще, доченька. Когда через несколько лет я стану президентом, то издам указ:

«В целях предотвращения транспортных затруднений на Кутузовском проспекте города Москвы в период утренней миграции руководства страны с окрестностей Рублево-Успенского шоссе в столицу, а в вечернее время в обратном направлении, повелеваю:

Первое. Организовать доставку руководства России в Москву и обратно на дачи водным путем с задействованием акватории Москва-реки, с учреждением соответствующих пристаней в местах компактного проживания начальства за пределами города и в пределах оною напротив Кремля, Белого Дома, а также в других местах, где будет сочтено

нужным.

Второе. Безопасность проплыва руководства страны на борту президентского линкора Потешный на всем протяжении маршрута обеспечить путем формирования флотилии сопровождения с привлечением стран-участниц антитеррористической коалиции в составе передового навигационного судна “Иван Сусанин”, крейсера “Последний”, эсминцев “Оборзевший и “Раскоряченный”, монгольского подводного ракетоносца “Хан Батый”, правительственной плавучей харчевни “Дармод” и эскадренного ликероносца “Ельцин”. В зимнее время прокладку фарватера обеспечивает российско-украинский атомный ледокол “Чернобыль”. Воздушное прикрытие возложить на лидера военно-воздушных сил России управляемый аэростат “Чугунный”, наземное прикрытие с левого берега – на германский воинский контингент по умиротворению российско-белорусского конфликта “Горбатчофф” и российско-индийский сводный антитеррористический отряд легкой конно-слоновой кавалерии “Лютый Хульман”⁷, с правого берега – на эскадрон крымско-татарской янычарской конницы “Наша Ялта” и со-

⁷ Примечание автора: «Хульман» – это не еврейская фамилия и даже не ругательство, а название вида индийских священных обезьян, именуемых также лангурами. Последний раз Хульман был успешно применен индийскими военными летом 2000 года для разгона обнаглевших макак, взявших в осаду Министерство обороны в Дели и похитивших совершенно секретный план отражения пакистанской агрессии под кодовым названием «Гнев священной коровы». Перепуганные бандерлоги перебрались к зданию МИДа, поближе к департаменту США, в чем американские дипломаты усмотрели грубый намек и недружественную акцию.

чинский полк чеченских горнолыжников “Красная Поляна”.

Третье. Командование флотилией, воздушными и наземными силами прикрытия возложить на главнокомандующего Военно-Морским Флотом России Архифельдмаршала первого класса Е. Б. Баткина-Безбашенного, протокольное обеспечение – на лейб-церемонимейстера М. У. Датского, харчевое довольствование – на обер-кашевару К. А. Кашкина, пропагандистское обеспечение – на пресс-секретаря Х. Р. Енапольского».

– Долго думал? Или сразу сочинил? – мрачно осведомилась дочь. – Если сразу, то неплохо бы тебе показаться врачу, лучше всего в институте Сербского. Сходи сам, пока не отвели.

– Ну, зачем же так, Ирочка?! Ничего особенного я не подумал, все это суровая правда жизни нынешней и предстоящей. Нет, ты только вообрази, как будет хорошо – по реке красивые корабли плывут, инородцы на лошадях, слонах и лыжах едут, кремлевские гвардейцы в симпатичных мундирчиках флажками машут и в барабаны бьют. Германские зольдатен унд официрен шнапс тринкен, гармошка шпилен и исполнять отшень грустный песня «Курки, яйки – карашо, партизанен – блёхо!».

На левом берегу реки взор людской услаждает скульптурная композиция – конный бюст градоначальника, разрывающего пасть Терецели. К подножию памятника, известного в народе под названием «Доваялся, мля!», благодарными

москвичами возложены цветы, венки и ленты с надписями: «Спасибо, батюшка!», «Давно бы так!», «Наконец-то!»⁸.

Мужички камаринские торгуют на Горбатом мосту лаптями, шахтерскими касками, нестерильными шприцами, коноплей крученой да маковкой толченой, степенно судят да рядят – хряснется таперича шар «Чугунный» да об колокольню Ивана Великого, как давеча, либо Господь его пронесет?

Обыватели, завидев «Потешного», с борта которого гремит кантата «Державный зуд», добровольно выпускают одобрительные междометия и восклицания: «Эва! Эка! Вона! Ух ты! Уря, ядрѣн батон! Куды прѣшь, желтоглазый! Табань, ѣхтыть, там же мост!».

С моста, который опять забыли развести, в Москва-реку сигают москвичи и гости столицы с криками «Рятуйте, православные!». Их баграми вылавливают спасатели-молодцы, отпаивают нашатырной водкой с уксусом, суют им хрен в рот

⁸ Чашу терпения общественности переполнила бронзовая статуя градоначальника высотой двадцать метров, в одной кепке на босу ногу и с банной шайкой в руках, под названием «Благодетель в КГБ», установленная Терецели без спросу на Лубянке. Впоследствии, когда выяснилось, что ваятель имел ввиду не страшный Комитет Государственной Безопасности, а Красногорскую Городскую Баню, он был реабилитирован, правда, слава богу, с опозданием. Статую градоначальника, сделав ей орлиный профиль и нарастив кепку до размеров аэродрома, подарили грузинскому президенту вместе со свеженабитым чучелом Терецели, пригрозив отключить свет и газ, если не возьмет, а в Москве объявили добровольный общенародный погром в местах, где были установлены другие изделия ваятеля. Президент США, заявивший было протест в связи с «неслыханной жестокостью московских владык», сразу заткнулся, как только ему предложили забрать статую Петра Первого и установить у себя на ранчо под видом Колумба.

и в нос.

Напротив Киевского вокзала цыгане «шумною толпой» с одобрения начальства топят какого-то судейского, несогласного с предстоящим переносом столицы в Петроград. Там же, на набережной, шибко тошнит слона. МЧС делает ему искусственное дыхание, сочувственно причитает: «Хульмана, миленький, хобот ты в реку макал?! Хульмана, бедненький, воду оттуда сосал?!».

Посол американский приветливо машет с пристани новой, свежесрезанной башкой бен Ладена, зовет всех в гости, отобедать вместе с послами Хана Татарского, Эмира Башкирского, Богдо-гегена Калмыцкого, Абрека Северокавказского, Царя Сибирского, Великого Микадо Уссурийско-Камчатского да Султана Ярославского.

Народ веселится и ликует, что руководство само по себе, а он – сам по себе, и никаких тебе больше «пробок». Эх, не ценит начальство моих мыслительных способностей, никуда не продвигает, даже в Думу избраться не предлагает.

– Там и без тебя мыслителей хватает. Смотри, как бы тебя в Чечню на укрепление ихнего МИДа не продвинули. Кстати, папочка, баклажанчик ты мой старенький, тебе приходило в голову, что на такую армаду в Москва-реке никакой воды не хватит и что она просто из берегов выйдет?

– Да пусть выходит! Если мой водный проект не сработает, то реку эту можно среднеазиатам продать, как мэр того хочет, а русло заасфальтировать. Пусть по нему руководство

и ездит. Опять же, народ ему мешать не будет.

– Ну, ты точно до высших сфер дозрел. Скучно мне! Давай музыку послушаем! – заявила дочь и потянулась к кнопке радиоприемника.

– Может, не надо, Ирочка? – попросил Андрей Андреевич, полагавший, что для слушанья отечественной попсы, загадившей эфир с утра до вечера, надо иметь бетонную голову, чугунные мозги и пустую душу.

– Ну, потерпи немного. Скучно же мне, говорю! – рассердилась дочь и включила радио.

В кабину автомобиля тут же ворвался веселый юношеский голос, радостно запевший о том, как «хорошо пожить бы с девушкой здоровой».

«Прав сынок! – меланхолично подумал Андрей Андреевич. – Действительно, неплохо бы плотно подружиться с какой-нибудь эдакой девушкой с широкой грудью, но ненадолго, недельки на две-три. На большее меня не хватит».

Жизнерадостного молодого самца сменила какая-то хриплая злая девица, сообщившая сквозь какофонию музыкального сопровождения, что если ее любимый вздумает уйти к другой, то она его съест и тот останется с ней навсегда.

Андрей Андреевич икнул с мучительным подвывом.

– Ты зачем так икаешь? – строго спросила дочь.

– Нервный тик! С души поперло от этой людоедки! Представляешь, вдруг я нечаянно загуляю, а маменька меня за это скороваркой по голове, да в суп! Страх какой! Ик!

– А ты не гуляй и даже думать об этом не смей, а то мамочке скажу. Ладно, не икай, я тебе другой канал включу.

– «...а теперь, дорогие детки, – зашептал вкрадчивый старческий голос, – послушайте русскую народную сказку о добродушном дедушке Педофилыче и жене его Зоофильевне под названием Хочешь, детка, конфетку? которую придумал специально для вас российский детский писатель Сидор Соломонович Фрейд».

Представив, что эту «сказочку» сейчас, возможно, слушает его любимый внук, Андрей Андреевич перестал икать и заплакал.

– Выключи, ты! – всхлипнул советник. – Они сейчас еще марш «Юных пивососов» исполнят – «Дружно пиво все мы пьем, идиотами растем...»

Дочь пожалела папу и выключила радио. Тяжело вздохнув, она сказала:

– Слава Богу, приехали, наконец. Вот тебе твой МИД, папочка. Иди по своим делам и, пожалуйста, только Индией занимайся и никому никаких проектов не предлагай, ладно? Ну, дай я тебя на дорожку чмокну, бегемотик ты наш. Чмок! Ну, пока.

* * *

Попрощавшись с дочкой и миновав рекламный щит с надписью «Теперь мы вместе!» и фотографией каких-то элит-

ных дядек с таким довольным выражением на лицах, будто они только что успешно справили большую государственную нужду, советник прошел под аркой и оказался на небольшой площади напротив входа – выхода станции метро «Смоленская». Сотни москвичей с обычным неприветливым выражением на лицах лавировали между мелкими уличными торговцами и многочисленными плевками на тротуаре и, то и дело наталкиваясь друг на друга, устремлялись в разные стороны с такой резвостью, будто все куда-то страшно опаздывали.

Какие-то узбеки пекли и тут же продавали горячие лепешки, молодой таджик-дворник усердно мёл улицу, деловитые, опрятные азербайджанцы пили чай в кафешке, чтобы разойтись потом по своим делам. Стайка молодых людей и девиц великоросской наружности, собравшаяся в это прекрасное утро у пивного ларька, вместо того чтобы учиться или работать, дула пиво и, приветливо матерясь, горячо обсуждала что-то, то и дело сплевывая сопли и слюни прямо на асфальт. Им составляла компанию плеяда ценителей пенного напитка более старших возрастных категорий, невыгодно отличавшаяся от молодежи набрякшей суровостью опухших рыл и тяжеловесностью матерных высказываний.

Андрей Андреевич давно заметил, что всех его сограждан, жадно сосущих пиво на улице прямо из банок и бутылок, объединяет, несмотря на пол, возраст и идеологические установки, одинаковая тупососущность лица, которое по ме-

ре нарастания дозы делается кое у кого похожим на несвежую задницу.

Вдоволь наглядевшись на участников пивной тусовки, советник уже в который раз испытал досадное сомнение по поводу справедливости тезиса, вбивавшегося ему в голову с раннего детства, о какой-то особой духовности великорусских соотечественников.

Побывав недавно в Закарпатье, где живут те же русские, украинцы, русины, словаки и десятки других народов и народностей, еще совсем недавно входивших в «братскую семью» народов СССР, Андрей Андреевич отметил с немалым великодержавным самоуязвлением, что местные жители, в массе своей бедные и замученные суровой жизнью люди, почему-то совсем не харкают на асфальт, не пьют пиво на улице и с маниакальной, как показалось советнику, ревностью содержат в чистоте и порядке города, улицы и свои личные дворики.

Легко объяснив своей жене сей феномен благотворной близостью европейской цивилизации, религиозным воспитанием местных жителей и прочими факторами, советник сам так и не понял, где все же пролегает пропасть между опрятными закарпатскими провинциалами и их великорусскими братьями, загадившими свои города и веся миллионными тонн мусора и мириадами плевков. В конце концов, чтобы не мучить более своё сознание, Андрей Андреевич пришел к простому выводу, что многие его соотечественники

настолько приняхались к своей духовности, что просто перестали ее замечать.

Задержавшись ненадолго у газетного киоска, чтобы купить свежий номер официального печатного органа и узнать из него, какими новыми велениями времени следует влиять в ходе предстоящих встреч с руководством, Андрей Андреевич невольно прислушался к разговору пивной молодежи. Уловив несколько обрывков совершенно непонятных сначала матерных идиом, парабол и гипербол, советник с немалой натугой все же сообразил, что речь идет о какой-то новой электронной игре.

– Тут этот пидер мелкий откуда-то как выскочит! Я его, мля, уяк, уяк, по ёб...ку и сразу же, на х..., на другой уровень скок! – оживленно сообщил молодой человек.

– Ну, ё! Здорово, нах! – восхитилась его юная собеседница.

– Да, а то я было от страху, мля, чуть совсем не обосрался! Думал – счас он мне типа как бы так ёб...т, что мне тут же и пиз...ц! – гармонично закончил немудреную мысль юноша.

Восторженно хрюкнув, девица от переизбытка положительных эмоций качнулась назад и чуть было не сбила с ног своим тугим задом таджика-дворника, неосмотрительно подобравшего с тыла, чтобы прибрать сопли и пустые бутылки за молодыми хозяевами России.

– Пшел вон, рвань черножопая! Понаехали тут, плюнуть

негде! – рывкнула оскорбленная девица под одобрительный рокот и веселый смех друзей и подружек.

Возмущенный Андрей Андреевич, проживший половину жизни среди азиатов и научившийся уважать их, чуть было не заявил, что неважно, какого цвета седалище, главное – черная или светлая твоя душа. У него зачесался язык сказать мерзкой девке что-то вроде того, что «когда твои пращуры, стерлядь ты эдакая, еще только с деревьев слезли, его предки уже каменные города строили, ремесла знали да такие стихи сочиняли, что их до сих пор люди помнят». Еще ему очень хотелось сказать ей, что «не для того этот парень родился, чтобы за тобой говно убирать, и лишь жестокая нужда погнала его сюда», и так далее и тому подобное.

Нетрудно, впрочем, догадаться, что всех этих жгучих слов Андрей Андреевич так и не произнес, сочтя за благо в очередной раз проявить спасительное малодушие и вовремя ретироваться в рассуждении получить «по сопатке» и прочим частям своего любимого дипломатического организма от полупьяной молодежи и сочувствующих ей прохожих.

* * *

Первым делом советник зашел к своему старинному знакомому Виталику, который тоже когда-то трудился на южноазиатской ниве, но впоследствии переместился в престижный Департамент Естественных Явлений, где и занял руко-

водящую должность.

– Ну, как дела, Виталик? – фамильярно обратился советник к своему старинному приятелю.

– Ты знаешь, Андрюша, просто прекрасно. На днях наконец-то пересяду в сектор естественных отправления.

– А чем он лучше твоего сектора естественных нарушений?

– Ты что, гораздо лучше! На новом месте меня все время в командировки, естественно, отправлять будут. Выступишь на каком-нибудь международном симпозиуме по борьбе с международным терроризмом или экологией, ляпнешь что-нибудь вроде: «А террористов этих из огнемета мочить надо!», да знай считай командировочные. Поди плохо! А здесь? Только и знаю, что всякие нарушения с ведомствами согласовываю. То, понимаешь ли, министерству Естественных Катаклизмов пистон вставляешь за отправку гуманитарной свиней тушенки голодающим мусульманам, то с генералами из Министерства Национальной Обороны и Нападения собачишься из-за межконтинентальных самонамудящихся теннисных мячиков класса «Омлет», которые они Герцогу Уимблдонскому поставили. Кстати, хорошая вещь! Настоящий сплав военной смекалки и конверсии! Если грамотно таким мячиком воспользоваться, то противник после твоего удара больше нипочем на ноги не встанет, а весь призовой фонд тебе! Да вот беда – генералы наши этому Герцогу мячики со сбитым прицелом впарили, а он, Герцог

то есть, вместо соперника, возьми да сразу главному судье и влупи на двести миллиметров ниже пупка, аж брызнуло! Судья, маркиз де Свиньи, взвизгнул, значит, хрюкнул что-то такое невразумительное, да и с копыт долой. Теперь Герцог требует, чтобы они штраф за него заплатили, да маркизовым помпадуршам за упущенные половые возможности отступного отстегнули, а генералы ни в какую!

– Замучился я с ними, Андреич! – тяжело вздохнул Виталик и нервно хлебнул кофейку из большой кружки с рекламной надписью на боку: «Японский кофе Сузуки – ваше последнее впечатление». – Вчера тоже, понимаешь, какие-то отморозки гренландского кита в зоопарке латвийскими шпротами в масле обкормили. Кит, собака, всплыл кверху брюхом от такого угощения, пугает так, что в округе антитеррористическую тревогу объявили, а исландский «Гринпис» вместе с нашими экологами сегодня утром напротив Думы бунт в защиту прав кита устроили, конного милиционера вместе с лошастью побили! Лучше бы они киту клизьму поставили, чем служивого бить! Руководство ни хрена понять не может – с какой стати исландцы за этого кита вступились? Он же гренландский, а не исландский! Чуть было не послали запрос в МИД Гренландии, чтобы они сами со своим китом разбирались, да выяснилось в последний момент, что такой страны вообще нету! Что теперь делать? А тут еще и родное рыбное лобби жару поддает, требует, чтобы российские потребители в знак протеста латвийские

шпроты в пользу отечественной кильки в томате бойкотировали. Килькой этой, дескать, нипочем не обожрешься, потому что стошнит кого угодно, хоть ихтиозавра, с первой же банки. Латвийцы тоже не зевают, протест нам заявили по поводу подрыва репутации ихних шпрот, а Евросоюз поддержал.

– А США чего?

– Молчат пока!

– А как молчат-то?

– Зловеще как-то! Хмурятся угрюмо.

– Ох, беда, Виталик! Вам не позавидуешь.

– Да, тяжело, брат! Все меньше и меньше нас уважают.

Представляешь, на днях в Бурундолэнде какие-то наши летчики груз оружия для повстанцев по ошибке на головы правительственных войск сбросили. Ну, сбросили не туда, подумаешь, делов-то, не впервой, чай! Нормальный коммерческий риск, так сказать. Негры же эти, которые правительственные, совсем оборзели – взяли да и засадили наших парней в тюрьму, словно уголовников каких-нибудь! Совершенно с Россией не считаются, микробы черномазые! Кабы не наш протест, то они, пожалуй, ребят этих с послом российским вместе уже бы и съели, а так, вишь, освободили с перепугу, когда мы пригрозили, что американцам на них пожалуемся. Американцы-то ведь в принципе не одобряют, когда послов едят, чьих бы то ни было. Ну ладно, Андреич, спасибо, что зашел. Заходи как-нибудь еще, а мне сегодня надо

успеть на этих летчиков представление к званию «Беззаветного Народного Героя Третьей Степени» составить. Пока!

Потрясенный до глубины души килечно-шпротной драмой и радуясь за себя, что работает в Индии, где «люди задумчивы и нежны, а с небес сыплется золотая пыль», Андрей Андреевич направил свои стопы в сторону Департамента Задней Азии, который, вкупе с Департаментом Передней, Средней и Дальней Азии, претворял в жизнь линию руководства на азиатском направлении.

Шествуя коридором через Департамент Средней Азии, размещавшийся на том же этаже, что и Департамент Задней Азии, Андрей Андреевич услышал исполненный отчаяния гневный крик, доносившийся из кабинета какого-то полуответственного начальника, судя по всему, распекавшего молодого дипломата.

– Вы, коллега, теперь не в своей Вислоуховской Академии Народной Дипломатии диплом пишите! Вы составляете официальную ноту МИДа Российской Федерации самому Хубилаю Едигеевичу! Это две очень большие разницы! Ты же что такое пишешь, блин – «мы не можем пожать руку, которая стальной пятой попирает неотъемлемые права человека»? Надо будет, так пожмешь не только руку, но и ногу, и вообще что прикажут! Это у кого «морда косоглазая»? У нашего стратегического партнера, что ли? И что это за «гнусный суслик»? Ты в своем уме или в чьем?!

– Да за мою зарплату и так сойдет! – огрызнулся юноша. –

Что вы, Филофей Филофеич, ко мне придираетесь, как придирает какой-то! Отстаньте, ей Богу, а то тоже в коммерцию подамся, как ваши мгимовцы хваленые.

«Действительно, чего он к парню привязался! Как будто сам молодым никогда не был! — мысленно поддержал вислоуховского паренька советник. — Я ведь тоже в его годы как-то раз индийского министра по делам аэрации и одорации сельской местности господина Банерджи назвал господином Бандерджи, то есть уважаемой обезьяной. Тот и то меньше орал, чем этот привередливый Филофей».

В родной Задней Азии все было как всегда. Афганский отдел обсуждал, на кого России более выгодно сделать ставку — на Ачакзаев, Баракзаев, Омерзаев, Мандокхелей, Ахмадзаев, Гильзаев, Попользаев, Момандов и Африди, Гулябзоев или какое другое племя, или послать их всех к чертовой матери? Начальник отдела Ирана Шура Сыроежкин, готовясь к поездке в Тегеран в качестве посланника российского посольства, угрюмо листал подsunутую каким-то недоброжелателем книгу Юрия Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», красочно излагавшую обстоятельства гибели в Тегеране царского посланника, автора пьесы «Горе от ума» Александра Грибоедова. Отдел Малых стран в полном составе уехал в зоопарк брить слона, подаренного правительством Шри-Ланки. Отдел Пакистана только что принял пакистанского посла, заявившего протест по поводу того, что Россия вновь гневно осудила очередной пуск новой пакистанской баллистиче-

ской ракеты, оговорившись при этом, что испытания точно такой же индийской ракеты были произведены в мирных целях. Ехидный пакистанец осведомился, не считают ли русские «миролюбивой» и индийскую ядерную бомбу и, прощаясь с собеседниками, пожелал им мирного ядерного пепла на их головы. Начальник отдела Индии, коллега Андрея Андреевича, посетовал ему, что индийцы нипочем не желают брать у нас древний стратегический броненосец «Иегудиил», да еще и говорят: «Вы нам его хоть весь навозом священной коровы облепите, все равно мы эту дрянь не возьмем», — точь-в-точь как гоголевский Собакевич про засахаренную французскую устрицу.

— Понимаешь, Андрей! — жаловался начальник отдела. — Они мне еще и заявляют — «Вы отдайте его пакистанцам. Он как затонет у них в порту Карачи, так всему ихнему флоту в Аравийское море выход запрет. Отдайте его пакам бесплатно, мы вам сами доплатим».

Всласть наговорившись и обменявшись последними слухами и сплетнями, советник вступил в жаркий спор с одним из своих коллег по поводу административной реформы. Андрей Андреевич решительно не согласился со своим простоватым другом, утверждавшим, что причиной острой нелюбви главного администратора к замминистрам, которых он сократил напропалую во всех министерствах, был малоизвестный факт его раннего детства, когда какой-то пьяный, нехороший, злой замминистра, проходя мимо песочницы,

где играл будущий ведущий мудяровец, почему-то надрал ему уши и набил задницу.

– Что ты понимаешь?! – стыдил своего приятеля Андрей Андреевич. – Дело, конечно, не в этом, а в чем-то другом, государственном, тебе, мелкому бюрократу, непостижимом. Помнишь, как Гарант Первый писал в своих мемуарах – «... и тут из меня поперла государственная мудрость». Во! Поперла! Мудрость! А из тебя чего попрет, кроме анализа? Молчи уж!

Хорошенько отделаев коллегу, довольный Андрей Андреевич направился на первый этаж, в буфет, с целью выкушать чашечку кофе с пирожком. И тут...

Вместо послесловия

...и тут, уподобившись Шехерезаде из сказок «Тысяча и одной ночи», мы прекращаем дозволенные речи, ибо «страшный советник» с его мыслями и поступками нам весьма надоел. Да и кто он такой? Он что, олигарх, что ли? Или, может быть, он бандит или киллер, чтобы писать про него толстые книги и снимать захватывающие сериалы?

Андрей Андреевич так надоел автору, что он хотел было подсунуть советнику смертельно тухлый пирожок в мидовском буфете, куда тот направился в конце последней главы.

Я не стал все же делать этого, опасаясь, во-первых, стать ответчиком по возможному судебному иску оскорбленного мидовского общепита, который является весьма почтенным заведением (см. приложение), и, во-вторых, не теряя надежды, что когда-нибудь мой герой дослужится-таки до заветной должности посла на каких-нибудь Кокосовых островах, где и продолжит успешно писать столь необходимые Отчеству донесения «О реакции в стране пребывания» и где ему, возможно, придется испробовать придуманное им заклинание против цунами: «Шу, шу! Кыш пошла, проклятая!».

Подводя критический итог написанному, автор не находит ничего лучшего, как скромно привести выдержку из чьего-то Священного Писания о сотворении мира – «И осмот-

рел Господь творение рук своих, и вздохнул, и плюнул, и исчез навсегда».

И совсем последнее. Как и положено писать в конце мидовских вербальных нот, независимо от того, кому и по какому поводу они направлены, автор «пользуется случаем, чтобы возобновить всем желающим уверения в своем весьма глубоком уважении».

Всего доброго.

Приложение

МЕНЮ

(Комбинат общественного питания МИД РФ)

Холодные закуски

- 1. Заливной язык «Служебная тайна»*
- 2. Паштет из бараньих мозгов «Аналитик»*
- 3. Грибная закуска антиамериканская «Валуи сопливые»*

Первое

- 1. Лапша с ушами молодого дипломата*
- 2. Гороховый суп-шептун «Тихая дипломатия»*

Второе

- 1. Котлеты межконтинентальные*
- 2. Кефаль под соусом татар «Ялта»*
- 3. Поросенок с хреном*
- 4. Барашек Махмуд с рисом*
- 5. Почки отбивные а-ля Гуантанамо*
- 6. Потрошки Буша*

7. *Каша манная «Гуманная»*

8. *Блин Клинтон*

Десерт

1. *Яблочки моченые «Смерть террористам»*

2. *Клубничка со сливками «Машибюро»*

3. *Горчица «Слеза олигарха»*

Напитки

1. *Морс из развесистой клюквы «Доверие»*

Конец дипломата

Дорогой друг!

С большой неохотой, и лишь уступая многочисленным просьбам любезных моих читателей, которым зачем-то пришла охота узнать, что было далее с Андреем Андреевичем, беру на себя труд довести до конца раз начатую мною повесть «Страшный советник».

Писать мне о нем более не хочется, ибо, как сказано, он мне весьма надоел, да и приличного гонорара на его тусклой фигуре не заработаешь. Ограничусь поэтому компиляцией из нескольких любопытных документов под общим названием «Конец дипломата», любезно предоставленных мне архивными службами МИДа и ФСБ России, а также Центральным разведывательным управлением США, которая и прольет тебе свет на дальнейшую судьбу нашего героя.

Не удивляйся, что в этой компиляции он заметно отличается в невыгодную сторону от самого себя, каким ты привык его видеть в повести «Страшный советник». Объясняю это тем, что высокие назначения не всегда идут людям на пользу, и делаю также поправку на тропическое солнышко, тридцать лет гревшее ему макушку в разных теплых странах, и, увы, на несколько мегалитров спиртного, употребленных им в процессе служения Отечеству.

Из копии верительной грамоты о назначении Андрея Андреевича послом России в Королевстве Кокосовых Островов:

«...и милостиво повелеть изволим, дабы названный советник послом нашим на Кокосовые Острова убыл бы, и дабы король Курумба XIV, Защитник Обездоленных, Отец и Мать Нации, и прочая и прочая, всему им навранному верил бы так же, как если бы Мы ему сами наврали».

Из первого письма посла Андрея Андреевича его супруге в Москву:

«...и представить себе не можешь, в какую дыру я заехал! Оставшиеся жители, которых недавнее цунами не смыло (а жаль!), все сплошь жулики, попрошайки и людоеды, потому что кушать, кроме кокосовых орехов, здесь почти и нечего. С водой тоже тяжеловато в ихней столице Бидонвиле – приходится по утрам всем посольством росу с газона слизывать. Слава Богу, завхоз наш Сиськовец вчера в саду претолстого удава удавил, так что на ближайшие дни мясо у нас есть. Водка тоже только кокосовая – ее посольский народ и пьет безмерно, а я его не преследую за это – чего еще ему тут делать? Курумбов – это так здесь деньги называются – мне платят маловато, да их и тратить тут не на что. Деткам нашим Ирочке да Саше кланяйся от меня, да скажи, чтобы внучонка нашего Лешеньку не мучили бы и в дипломаты нипочем не определяли бы.

Да, кстати, ты не думай, что у нас здесь все чересчур мрачно. Вчера, например, мы все здорово повеселились, когда главному инженеру на голову главная люстра упала. Я ведь говорил ему, что домик-то наш посольский еще при капитане Джеймсе Куке построили, и что потолок укрепить следует, а он все тянул с этим. Вот и получил, и так ему и надо!»

Из первой телеграммы Андрея Андреевича, отправленной им в Москву по прибытии на Кокосовые Острова:

«...и приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Жду дальнейших указаний. Прошу также рассмотреть вопрос о выделении посольству суммы денег на приобретение слона в хозяйственно-представительских целях. Имею, в частности, в виду прибыть в королевский дворец для вручения верительной грамоты на названном выше животном, выкрашенном в цвета российского национального триколора, и с фотографическим портретом нашего Президента на лбу, дабы произвести сильное впечатление на короля Курумбу и сразу же поставить на место наймита агрессивного американского империализма, посла США Шайзенхеда.

В свободное от работы время планирую использовать слона, которого представляется целесообразным назвать Аркадием в честь писателя Аркадия Гайдара, для его совместного бритья и помывки силами дипломатического состава и административно-технического персонала с целью укреп-

ления коллективной взаимовыручки и чувства локтя в сложных условиях заграницы. Активно изучаю также предложение завхоза Сиськовца о возможной организации русской народной забавы “перетяни канат” с участием нашего слона и ихнего местного населения для продвижения здесь российского культурного наследия, а также для других полезных Отечеству дел. Сумма денег на приобретение слона незначительная и составит всего лишь 55 миллиардов курумбов, то есть 550 долларов США. Издержки по содержанию слона планирую покрыть за счет вывоза его навоза в Россию в качестве элитного удобрения для элиты российского общества в Жуковке, Малаховке и Баковке.

Прошу ориентировать о принятом решении».

Резолюция заместителя министра иностранных дел России директору Департамента Слаборазвитых стран того же министерства, наложенная на первую телеграмму Андрея Андреевича:

«Иван Иванович! Он что, очумел там совсем?! Нам тут выпить не на что, а он, небось, кокосовой водки с утра натрескался и слона себе требует. Махараджа, мля! Перетопчется!

Насчет того, чтобы слона Аркадием назвать – тоже глупость! Егором уж тогда – тот больше на слона похож. Ты ему позвони и скажи, чтобы он эту вредную затею бросил, иначе переведем к чертовой матери на Галапагосы, где кроме

морских слонов и пингвиньего дерьма ничего нету. А насчет слоновьего продукта мысль интересная! Дай ему поручение, чтобы конъюнктуру местного рынка на этот товар хорошенько изучил бы – почем стоит и во сколько встанет транспортировка в Россию, а реализацию слоновьего добра в Жуковку и Баковку мы на себя возьмем!»

Из первого письма супруги Андрея Андреевича на Кокосовые Острова:

«Милый Андрюшенька! Дурачок ты мой! Ну куда ты поперся на старости лет?! Съедят там тебя твои папуасы когда-нибудь. Что мне тогда, вдове убогой, делать? На твоей пенсии я ведь быстро ноги протяну. Предлагал же тебе друг и благодетель наш Сурен Ашотович пойти к нему старшим приказчиком в департамент внешних сношений! А ты ему что ответил, вспомни-ка, гордец ты эдакий – я, де, карьерный дипломат, меня, мол, Президент назначил интересы Отчизны на дальних подступах защищать и вашу ваксу и гуталин эскимосам в Гренландию я сбавривать не желаю. Вот и не хнычь теперь, что кушать нечего и что курумбов тебе мало платят. Бедная я, несчастная!

А насчет детишек ты не беспокойся – они явно не в тебя умом-разумом пошли. Ирочка Лешеньку к Сурену Ашотовичу уже сводила, представила, и тот его к себе на днях младшим приказчиком берет, на целую тысячу зеленых». И правильно и сделала! Хватит нищету плодить! Вот, я сказала!»

Из донесения Андрея Андреевича в Москву о вручении верительной грамоты:

«Сим сообщаю, что во исполнение данного мне Высочайшего указания 10 магха 5051 года по местному календарю (летосчисление ведется здесь со дня рождения Великого Божества Пука-Пука, если это кому-нибудь интересно) прибыл в королевский дворец в столице Кокосовых Островов Бидонвиле для вручения верительной грамоты королю Курумбе.

Церемония носила хотя и торжественный, но и неприужденный характер. Живо поинтересовавшись, какое, собственно, государство я здесь собираюсь представлять, и узнав, что Россию, король пришел в восторг и с энтузиазмом заявил следующее: Ы-ык! Дык! Нах (местное восклицание, означающее, видимо, высшую степень одобрения)! Раша – гут! Раша – трук! Путин – лапа! Буш – кака! Раша Курумба мани-мани давай, Курумба Раша очень люби!!!.

Лестно уподобив нашего Президента могучему слону (я ведь писал, что мне к Курумбе надо бы было на слоне приехать! Такой случай упустили!) и расспросив меня о последних наших достижениях в области культуры – “Уодка, дьевка есть?” (со своей стороны успокоил его, что уж чего-чего, а этого-то добра у нас сколько угодно), Король перевел дальнейший разговор в деловое русло.

Курумба, в частности, сообщил, что ведет ожесточенную борьбу на своих островах с оголтелой террористической ор-

ганизацией Могучие крокодилы, которые – “о, негодяи!” – хотят свергнуть его с трона и ввергнуть процветающую страну в пучину бедствий, анархии и страданий народных.

Склонившись к самому моему уху и доверительно дыша на меня водочно-чесночным перегаром, Курумба конфиденциально прошептал: “Раша Курумба бомба, пушка, патронен давай, король Раша много-много курумба плати буди. Карашо?”.

Исходя из нашей хорошо известной мировому сообществу позиции, что наша Раша (тьфу, ё, Россия!) есть оплот мира во всем мире, довольно твердо сказал королю, что – “нет, не карашо”, и что нам бы лучше вместо пушек мирным слоновым навозом торговать следовало, отчего обоим государствам прибыль будет немалая. Кроме того, подумал я, но мудро-дипломатически не сказал об этом королю, что “Крокодилы”, как только про поставки российского оружия против них узнают, так, пожалуй, меня вместе с посольством и перекоцают.

В ответ на мое заявление король, гадко улыбаясь, приветливо заметил: “Твоя моя понимай нету. Пушка нет, бомба нет – Курумба посла кушать буди! Шутка! Ха-ха-ха!!!”.

На всякий случай обещал королю, что информирую центр о его просьбе.

Прошу ориентировать по существу поднятых королем вопросов. Может, не надо? Жду дальнейших указаний».

Из сообщения резидента ЦРУ на Кокосовых Островах Стаса Штирлицинского в штаб-квартиру ЦРУ, Лэнгли:

«...русский посол, как сообщает наша агентура при королевском дворе, твердо обещал Курумбе обеспечить поставки сюда оружия из России в обмен по бартеру на слоновый навоз, исключительной монополией на вывоз которого до сих пор располагали Соединенные Штаты Америки. Тем самым может быть нанесен как непоправимый ущерб репутации Вашингтона в слаборазвивающемся мире, так и удар по нашим планам дальнейшего вывоза отсюда названного стратегического сырья.

Прошу указаний о *modus operandi* моих действий в отношении этого опасного русского».

Из ответного сообщения директора Департамента Компрометации и Устранения ЦРУ Майкла Шакалшвили резиденту ЦРУ на Кокосовых островах:

«Твой последний доклад вызвал здесь немалое раздражение. Наш шеф Тарас Вульва возмущен твоим запросом. Орал на меня – Он что, дела своего не знает, матка боска! Пусть предложит русскому бабу, «бабки», на самый крайний случай – свинячьего сала из наших неприкосновенных стратегических запасов, склонит к сотрудничеству или, в случае отказа, скомпрометирует и устранил!».

Ох, и подставил ты меня, Стасю! Еще один такой глупый запрос, и придется перевести тебя на Галапагосы, где кроме

морских слонов и пингвиньего дерьма ничего нету».

Резолюция заместителя министра иностранных дел России директору Департамента Слаборазвитых стран того же министерства, наложенная на сообщение Андрея Андреевича о вручении верительной грамоты:

«Иван Иванович! Ну что у тебя там опять за дела на этих Кокосах! Чего посол стонет? Такое предложение король ему сделал, а он трясется как кокосовый лист! Позвони ему, дай по мозгам хорошенько и скажи, чтобы поскорее у Курумбы список вооружений запросил, да чтобы на курумбы в оплату не соглашался, а педалировал бы слоновый навоз.

Насчет того, что его там какие-то Вонючие крокодилы покоцать-де могут. Скажи ему, что, мол, “когда тебя грохнут, тогда и жалуйся, а пока укрепляй бдительность имеющимися подручными средствами”. Впрочем, чтобы его утешить, скажи, что пусть дырку в мундире сверлит для ордена, если дело с оружием выгорит, да пошли ему в виде поощрения картину Репина из нашего художественного запасника “Силовики пилят бабки своему султану».

Из второго письма Андрея Андреевича его супруге в Москву:

«Ну, мать, попал я в переплет! Начальство ругается, Курумба шутить изволит, что скушает меня, если я ему сделку с оружием не пробью, да и крокодилы эти мне теперь повсю-

ду мерещатся. На днях, представь, заметил одного такого у себя в саду – по газону полз, гадюка! Я на него навалился, жирные лапы ему живенько за спину закрутил, кричу: “Куды прешь, сволочь?! Ху ю такой есть?! Говори, гад!” – а он в ответ лишь хрипит и извивается. Отпустил я его маленько – смотрю – инженер наш, оказывается. Он ко мне на резиденцию унитаза чинить приезжал, да “по ошибке”, как он утверждает, выпил натошак мою последнюю литровую бутылку шотландского виски. Вот он и пополз! Говорит в свое оправдание, что после того, как на него в посольстве главная люстра упала, с ним вроде как нервный тик сделался – как завидит бутылку, так тут же ее выпивает. И спросить некого, бывает такой нервный тик или он просто врет. Врач-то наш из последнего отпуска возвращаться сюда отказался.

Вообще беда здесь с этим делом. Например, слон наш Аркадий, которого мне король Курумба подарил вместе со слонихой, спивается к чертям собачьим с завхозом Сиськовцом на пару. Тот с утра пораньше его окрошкой из соленых кокосов, селедочных голов и кокосовой водки потчует, слон от этого зелья балдеет и, хотя и дрищет без отдыха, все равно пьет и дрищет, дрищет и пьет! Так впился, бедняга, что собственную слониху “покрыть” не может. Та плачет, а наши посольские женщины ее жалеют, особенно незамужняя завканцелярией Лялечка Мяконьких, и тоже плачут.

А мужики злые! Обзывают теперь Аркадия “Алкадием”. Сами хороши! Электрик Вася, например, вчера у своего до-

ма бетонную дорожку лопатой скреб – мол, снег расчищаю и лед скалываю! Какой здесь, к черту, снег? В тропиках? Ясное дело, опять “белочка” его навестила.

Да, кстати, ты не думай, что у нас здесь все чересчур мрачно. В прошлую почту мне из Москвы в порядке поощрения картину Репина в подарок прислали. Репина, понимаешь?! Правда, как называется, неясно. Название ее кто-то случайно замазал, наверное, сам Репин. А картина хорошая! Сидят за столом какие-то здоровенные мужики со страшными мордами, да что-то такое ножовкой пилят. Чего пилят, зачем пилят – не разглядеть, ну и ладно, главное, что Репин.

Да, еще! Звонил мне тут сам Иван Иванович, начальник мой. Поругал меня, конечно, сначала – и правильно, с нами по другому нельзя, а потом сказал со смехом ласковым: “Ты, – говорит, – посол, молодец в целом! Сверли давай на своем мундире сразу два отверстия – входное и выходное”. Я немножечко не понял, зачем два отверстия, но спрашивать из деликатности не стал и просверлил, хотя мундир-таки немножко жалко.

Вот и еще тебе хорошая новость. Завелся у меня здесь настоящий друг, хотя и поляк. Симпатичный такой, маленький, лысенький, ласковый, предупредительный! Чуть что, сразу: “Прóшу пана! Да не будет ли пан ласков! Чего еще изволит Ваша Милость, пся крев?!”. Я в теннис играю, а он мне за мячиками бегает, как собачка, из любви к России, говорит.

Торгует здесь чем-то, что-то Курумбе во дворец из еды поставляет – сало, вроде, так что благодаря ему я теперь в курсе всех придворных событий и иногда его милостью сало бесплатно кушаю. Отличный, в общем, парень, даром что поляк. А звать его Стасю Штирлицинский...»

Из второго письма супруги Андрея Андреевича на Кокосовые Острова:

«...и этот твой полячишко мне что-то не по нутру. Небось, выпиваете вместе с ним да по продажным женщинам ходите. И откуда ты, кобель старый, знаешь, что завканц твоя Лялька мяконькая? Смотри у меня!

А так у нас все хорошо. Лешенька сейчас из Гренландии в Москву айсберг везет в оплату поставок эскимосам ваксы и гуталина, а благодетель наш Сурен Ашотович вот-вот правительственный заказ на железную дорогу от Северного полюса до Южного получит, айсберги туда-сюда возить, и ждет тебя не дождется...»

Из сообщения резидента ЦРУ на Кокосовых Островах Стаса Штирлицинского в штаб-квартиру ЦРУ, Лэнгли:

«...и насчет возможного перевода меня на Галапагосы правильные выводы сделал. В частности, докладываю, что активно внедрился в доверие русского дипломата. Попытка свести его с продажной женщиной – нашей агентессой Басей Негомбо не удалась, так как русский сослался на слабость здоровья и опасение “получить по башке” от своей же-

ны, и вступить в связь с Басей решительно отказался. Подозреваю, что дело может быть в нетрадиционной сексуальной ориентации русского, в каковом вопросе разобравшись, доложу отдельно.

Объект охотно кушает мое сало и пьет мой самый лучший польский бимбер, но при этом впадает в такую ностальгию и тоску по Родине, что предлагать ему сотрудничество с нами просто как-то неловко.

Что касается денег на подкуп русского, то у меня их просто нет, с учетом повышенного сребролюбия ближайшего окружения короля и самого Курумбы, и сокращения моих товарных запасов сала, истребленных российским послом почти полностью. Прошу перевести в связи с этим на мой счет в “Курумба Нэшнл Бэнк” еще хотя бы два миллиона долларов.

Прошу согласия директора ЦРУ г-на Юджина Колобковица на следующую смелую акцию. Как мне стало известно, на днях посол нанесет визит Курумбе, в ходе которого будет принято окончательное положительное решение о ввозе сюда российского оружия и вывозе отсюда стратегического слоновьего дерьма (sorry, продукта!). Находясь в припадке черной меланхолии на почве постоянного пьянства, которой он страдает с детства, король Курумба съел вчера своего последнего переводчика. Учитывая это обстоятельство, имею в виду уговорить русского взять меня во дворец переводить его речь королю, которую я берусь перевернуть так, что Курум-

ба съест и его. Жду указаний».

Из директивного указания директора ЦРУ Юджина Колобковица начальнику Департамента Компрометации и Устранения того же ведомства Майклу Шакалшвили:

«Генацвале! Вам не кажется, что аппетит Стасю Штирлинского стал безмерным? Пусть действует как предлагает. После устранения русского посла немедленно перевести его на Галапагосы и как можно скорее скормить морским слонам во избежание утечки компрометирующих Америку сведений о нашей операции и ради экономии двух миллионов долларов».

Из телефонного разговора заместителя министра иностранных дел России с директором Департамента Слаборазвитых стран того же министерства, прослушанного службой Внутреннего подслушивания ФСБ России:

«Ваня! Беда! Вчера по поручению министра ходил в Думу на слушания доклада Россия, цивилизацией окруженная, и такого там наслушался, хоть караул кричи! Депутат от Самой Либеральной партии России, представляющий Жуковку, Баковку и Малаховку, орал на весь зал – где, мол, слоновый продукт, без которого в его околоте сельское хозяйство вот-вот погибнет. Где, мля, кокосы, которые так заслужил русский народ всей своей многострадальной историей? Не иначе как мидовские бюрократы все это по-тихому в Израиль перепродали!

Так разошелся, что в спикера, который ему микрофон отключил, стакан с водой кинул и попал, а тот в него микрофоном запустил, и тоже попал, да еще какую-то юную шлюшь из “Гребущих вместе” за волосы оттащил. Рев, визг, лай как в сухумском обезьяньем питомнике при раздаче корма. Ужас!

Вот что, Ваня, друг любезный! Если самое позднее через две недели слоновый товар сюда не поступит, то ты вместе с этим придурком, Андреем Андреевичем твоим, на Галапагосы живо поедешь – он послом, а ты младшим уполномоченным по пингвиньему дерьму. Понял! Действуй, нах!»

Из телеграммы Андрея Андреевича в Москву, направленной в ответ на директивные указания директора Департамента Слаборазвитых стран МИД России:

«... и что я козел, тоже согласен, о чем прошу лично сообщить г-ну замминистра.

Докладываю, что завтра утром подписываю с Курумбой меморандум о намерениях в оружейно-навозной сфере, получаю список оружия, который немедленно отправляю в Москву, а также получаю пятьсот тысяч тонн первоклассного слоновьего продукта в качестве аванса. Прошу немедленно отправить в порт Бидонвиль флотилию говновозов (тьфу, ё, сухогрузов!), потому что не знаю, куда аванс девать. Хочу особо подчеркнуть важную заслугу господина Стасю Штирлицинского, о котором я докладывал ранее, удачно подобрившего ближайшее окружение короля и добив-

шегося под моим руководством благосклонной позиции Курумбы. В связи с вышеизложенным ходатайствую о награждении господина Стасю Штирлицинского медалью Россия – Родина слонов какой-нибудь степени.

И это еще не все! Как выяснилось в результате кропотливой работы, проведенной атташе посольства Мусенькой Зайкиной в архивах королевского дворца, нынешний король Курумба – прямой потомок русского цесаревича Иннокентия. Как указано в архивных документах, которые здесь никто никогда не читал, Иннокентий незапланированно прибыл в порт Бидонвиль сто сорок лет тому назад, свободным дрейфом на царском броненосце Иегудиил, после того как у корабля отвалился гребной вал, винт, руль и якорь от удара о Галапагосы в результате чрезмерного употребления спиртных напитков капитаном и всей командой по случаю 300-летия династии Романовых.

Как явствует из мемуаров королевского постельничего и старшей фрейлины двора, великий князь в часы досуга неоднократно осчастливил своим вниманием королеву Бвангу, в результате чего на свет появился прямой предок короля Курумбы.

Думаю, нет необходимости объяснять Вам все значение этого потрясающего исторического факта, о котором я завтра сообщу Курумбе с целью беспрецедентного морального скрепления наших межгосударственных связей, помимо навоза.

В связи с вышеизложенным ходатайствую о поощрении атташе посольства Мусеньки Зайкиной переводом ее в какую-нибудь европейскую страну вместе со мной. Помимо отличных деловых качеств, характеризую М. Зайкину как лапу и лялю.

Жду указаний».

Из резолюции первого заместителя министра иностранных дел России директору Департамента Слаборазвитых стран того же министерства на донесение Андрея Андреевича:

«Ваня! Ура! Кокосы наши! Я поехал в Кремль для доклада. Сверли дырку в мундире. Мусю Зайкину срочно перевести ко мне в секретариат, а посла оставить в Бидонвиле».

Из последнего письма Андрея Андреевича его супруге в Москву:

«Дорогая Наташа! Ты и представить себе не можешь, как я счастлив! Завтра я подписываю с Курумбой соглашение о поставках оружия. Тот тоже так рад, что уже прислал мне в посольство задаток – 500 тысяч тонн отборного слоновьего навоза. Многовато, конечно, для нашего маленького посольства, но мы, ничего, дружно потерпим Отечества нашего блага ради для.

Да и вообще жизнь налаживается! Слона Аркадия я у завхоза Сиськовца забрал и отдал нашим женщинам на восста-

новление. Те его так хорошо щами да макаронами откормили, что он опять сделался весел и приветлив. Женщины говорят, что у слонихи от него скоро слоненочек будет. Ну, не дуры? От кого же еще, от Сиськовца, что ли?

Так что, мать, готовься. Меня, видать, поощрят и наконец в Европу переведут. То-то заживем! А Сурену Ашотовичу передай, что хотя я его и уважаю, а айсберги его туда-сюда возить не намерен».

Из последнего донесения резидента ЦРУ на Кокосовых Островах Стаса Штирлицинского директору Департамента Компрометации и Устранения Майку Шакалшвили в штабквартиру ЦРУ, Лэнгли:

«Дорогой Майкл! Наша акция по компрометации и устранению русского посла завершилась замечательным успехом. Докладываю по порядку – сегодня утром, лишь только золотоперстая Аврора возвестила дивным восходом солнца начало самого счастливого дня в истории американо-кокосовых отношений, посол и я прибыли в королевский дворец, прямо к Курумбе.

Во имя великого Пука-Пука! Приветствую тебя, брат мой, и вручаю тебе долгожданный список вооружений, – обратился король к русскому. – Передай в Москву, что я жду скорейшей доставки многоствольных минометов и огнеметов, снарядов и патронов, эскадренных броненосцев и подобных священной птице Крякве дальнобойных самолетов, верто-

летов, снегоходов и ледоколов, дабы нанести сокрушительное поражение «Могучим крокодилам», а потом, если будет на то указание, также Галапагосам, Кайманам, Бугенвилиям, Вануатам и Гавайям – этим оплотам американского колониализма. Карашо?

“Очень карашо, о великий Отец и Мать народа!” – начал было русский посол, но я тут же перебил его, предложив с ходу перевести текст, как это бывает принято при выступлениях вельможных особ, когда они произносят только самое начало и конец своей речи, а все остальное говорит за них переводчик. Посол быстро и радостно кивнул, ибо после вчерашней вечеринки в честь предстоящей победы российской дипломатии язык русского дипломата ворочался с большим трудом.

“О презренный сын зеленой макаки и двух краснозадых гамадрилов (это вместо сообщения о происхождении Курумбы от русского принца)! Что ты о себе вообразил, Гермафродит нации?! Чем ты лучше дивных «Могучих крокодилов», предлагающих отгрузить мне в пять раз больше слоновьего добра, чем ты, и то лишь за одну русскую снайперскую винтовку, из которой они отстрелят тебе твои безобразные яйца. Тебе мало кровопролития на твоём паршивом острове. Тебе подавай и другие, которые мирно разводят кожистых черепах, кайманов и бугенвилию. А Кемскую волость тебе не отдать? А Шикотан с Итурупом в придачу? Кышь, брысь, пошел вон, ничтожный людоед!”

То, что последовало далее, я описать не в силах. Нет, нет, нет!!! Ни слова об этом, иначе мое нежное польское сердце не выдержит и лопнет от горя и сострадания!

В качестве отчета прилагаю несколько фотографий из правительственной газеты “Бидонвиль Таймс”, сделанных в ходе званого ужина во дворце в честь победы над русским империализмом. Советую обратить внимание на главное блюдо.

Выйду на связь через несколько дней, поскольку вынужден временно скрыться из Бидонвиля на всякий случай».

Из сообщения начальника резидентуры на Кокосовых Островах, полковника М. Н. Сиськовца в штаб-квартиру Службы внешней разведки России, Ясенево, адресованного директору Службы Евгению Колобковскому:

«...и прилагаю к моему докладу фотографический отчет из правительственной газеты “Бидонвиль Таймс” об официальном ужине в королевском дворце, наглядно показывающий участь посла России. Обращаю внимание на то, что если хорошо взглянуть в центральную фотографию посла, лежащего на отдельном блюде с пучком петрушки во рту и ананасом в заднице (еще в живого запихнули, сволочи!), то можно заметить на его лице, помимо выражения испуга и недоумения, также и непреклонное рвение претерпеть за Отчизну до конца.

Во всем этом явно присутствует смрадная лапа ЦРУ. Вме-

сте с тем, в связи с недоказанностью, а также принимая в расчет Вашу завтрашнюю встречу в ресторане Ярб с директором ЦРУ Юджином Колобковицем в целях борьбы с международным терроризмом, предлагаю предать весь эпизод полному забвению, дабы не омрачать. Вместе с тем полагаю, что кое-кто из зажавшихся мидовских чинуш должен быть примерно наказан, в том числе...»

Из резолюции директора СВР России Евгения Колобковского на сообщение полковника М. Н. Сиськовца:

«Согласиться. Не пропадать же уже заказанной осетрине и паровым котлеткам, а также борьбе с терроризмом. А наказать – накажем!»

Из указа о назначении директора Департамента Слаборазвитых стран МИД России послом на Галапагосы:

«...и милостиво повелеть изволим, дабы названный Иван Иванович послом нашим на Галапагосы убыл бы бессрочно, и дабы известный заместитель министра туда же проследовал бы, обязанности младшего уполномоченного по пингвиньему дерьму до самой пенсии исполняя ревностно...»

От автора компиляции

Вот, дорогой друг читатель, и вся история. Или почти вся. Мне, например, не удалось найти в архивах сколь-нибудь

внятного объяснения одному удивительному факту, свидетелем которого я сам недавно был. Выгуливая на днях в московском зоопарке своего внука Стасика, и играя с ним, как обычно, в Штирлица и Мюллера, я заметил у бассейна с морским слоном бывшего завхоза Сиськовца с орденом Конгресса США «Пурпурное сердце» на лацкане и, что особенно поразительно, Стасю Штирлицинского с медалью «Россия – Родина слонов» какой-то степени на груди. Весело смеясь, пьяные, сытые и довольные, они кидались в несчастного морского слона дорожными кокосовыми орехами. На некоторые размышления меня наводит крошечная заметка в газете «Бидонвиль Таймс» о таинственном исчезновении 500 тысяч тонн слоновьего аванса одновременно с завхозом Сиськовцом и подлым Стасю. Неужели?.. Впрочем, хватит! Чтобы не зайти в своих беспочвенных размышлениях слишком далеко, уподобляюсь Шехерезаде из сказок «Тысячи одной ночи» и прекращаю дозволенные начальством речи, а заодно прощаюсь навсегда с несчастным слугой Отечества, послом Андреем Андреевичем, и с тобой, любезный друг читатель.

Оборотни Индии

Исповедь душиителя-тхага

Вступление

Несколько лет тому назад я нашел в архиве Университета города Раджпур старинную рукопись на языке фарси – жизнеописание некоего Амира Али, написанное им самим. Амир Али, как следует из его рассказа, а также из документов английской колониальной полиции той эпохи, впоследствии любезно предоставленных мне комиссаром полиции города Дели, был одним из наиболее известных предводителей братства тхагов, происхождение которого уходит в глубокую древность. Различные братства, религиозные ордены или секты не редкость для Индии, однако тхаги представляют собой явление исключительное, поскольку они сыграли, без преувеличения, поистине роковую роль в судьбах миллионов индийцев. Поклоняясь Кали (она же Дурга, Бховани или Девы), богине смерти и разрушения, тхаги на протяжении многих веков отправили на тот свет огромное количество людей. По их глубокому убеждению, основанному на искренней вере служения своей богине, они помогали Кали выполнять ее божественную миссию – уничтожать излишне расплодившийся род людской, получая в виде вознаграждения деньги и имущество своих жертв. Вера тхагов в Кали и их промысел были подкреплены соответствующей мифологией, а также строго обязательными обрядами, в которых главное место занимало толкование знаков и знамений, по-

сылаемых богиней в ответ на их просьбу дать благословение на очередной поход или нападение на предполагаемую жертву.

Успеху промысла братства тхагов, объединявшего в себе как индусов, так и мусульман, и его многовековой истории способствовал ряд обстоятельств, в первую очередь отсутствие прочной и сильной власти в традиционно раздробленной на множество княжеств Индии, потрясаемой постоянными войнами и дворцовыми переворотами. Понятно, что в этих условиях, за исключением нескольких периодов в истории Индии, да и то применительно лишь к некоторым ее районам, система поддержания законности и правопорядка в стране практически отсутствовала, а преступность цвела пышным цветом. Показательно, что сколько-нибудь достоверные сведения о тхагах впервые появляются в письменных источниках лишь в эпоху правления императора Акбара – одного из наиболее славных представителей династии Великих Моголов, который смог на довольно долгое время навести относительный порядок в пределах своих владений. Обычно же местные владыки, городская и сельская знать, сплошь и рядом охотно оказывали покровительство тхагам, получая от них отступное в виде части их добычи.

Как правило, тхаги предпочитали действовать на многочисленных дорогах и проселках Индии, которые после окончания сезона летних ливней переполнялись тысячами путешественников – торговцами, курьерами, везущими нема-

лые суммы денег и драгоценностей в различные концы страны для проведения торговых операций, паломниками, отправившимися к святым местам, солдатами, намеревавшимися предложить свою саблю какому-нибудь радже, и просто людьми, пожелавшими навестить своих родственников или друзей. В это время на дорогу выходили и тхаги, мирно проживавшие до того в своих поселениях и занимавшиеся самыми невинными делами – ремеслами, землепашеством и торговлей. Выйдя в путь, тхаги, приняв ту или иную личину, завязывали знакомство с путниками, входили в их доверие и, дождавшись удобного момента, расправлялись с ними всегда одним и тем же способом, которому обучила их Кали, – удушением при помощи шейного платка – румала.

Тхаги проявляли при этом исключительную способность вводить в заблуждение свои жертвы. Например, их излюбленным приемом было приводить в ужас людей, которым они хотели напроситься в попутчики, страшными рассказами о тхагах и предлагать им свою защиту от них, то есть от самих себя. Лишь в последний момент жертва успевала осознать, кому она столь опрометчиво доверила свою жизнь, но, как правило, было уже поздно. Собственно, само слово «тхаг» означает не «убийца» или «душитель», а «обманщик» и происходит от глагола «тхагна», то есть «обманывать, вводить в заблуждение».

Как уже было сказано, за редкими исключениями тхаги не встречали организованного отпора со стороны вла-

стей. Английская колониальная администрация, слышавшая о тхагах, но, похоже, не очень-то верившая рассказам о них, также не предпринимала каких-либо серьезных усилий в борьбе с ними вплоть до 1812 года, когда в период увольнений бесследно исчезло немало индийских солдат-сипаев, служивших в Ост-Индской компании, а затем был убит и английский офицер – некий лейтенант Монселл. Только тогда англичане организовали карательную экспедицию, в ходе которой было уничтожено несколько поселений тхагов. Как ни странно, почти двадцать лет после этого англичане ничего не делали для борьбы с тхагами, видимо, продолжая полагать, что это всего лишь несколько мелких шаек, с которыми они покончили. Лишь в 1831 году английские власти благодаря расследованию, проведенному капитаном Вильямом Слимманом, в полной мере осознали ужасающий размах промысла тхагов, орудовавших по всей стране. По оценкам английской полиции, общее число жертв тхагов за всю историю существования их братства составило около двух миллионов человек, хотя цифра эта, конечно, весьма приблизительна.

Именно Слимману и было поручено положить конец тхагам, ради чего впервые в истории английской полиции было создано отдельное централизованное агентство – Комиссариат по подавлению тхагов и разбойников, – которое и возглавил Слимман. Взявшись за дело, он и его товарищи, сочетая глубокую оперативную разработку с карательными акци-

ями, разгромили в период с 1831 по 1837 год братство тхагов: более четырехсот из них были повешены, более тысячи сосланы за пределы Индии и еще многие сотни заключены в тюрьмы или отправлены на принудительное проживание в специально созданные охраняемые поселения. Около пятисот тхагов согласились стать осведомителями полиции. В их число попал и герой повествования – Амир Али, который купил себе жизнь, помогая англичанам установить личность и поймать многих известных ему тхагов. В награду он был помилован и спасся от казни, которую вполне заслужил, поскольку сам, своими руками «отправил к Кали» более семисот человек. До конца дней своих он был заключен в тюрьму, где и написал историю своей жизни.

Рукопись Амира Али, несмотря на целую череду преступлений, о которых он повествует в ней, никак нельзя отнести к популярному детективному жанру с его завязкой и развитием сюжета и, как правило, конечным торжеством добра над злом, то есть правопорядка над преступником. Нет, она представляет собой просто правдивый, несколько монотонный рассказ о его жизни со всеми ее радостями и горестями и, естественно, его преступлениях, в которых он во все и не думал раскаиваться, ибо не считал себя преступником и до своего последнего вздоха сохранял убеждение в божественном призвании промысла тхага, сожалея лишь о том, что не может продолжить служения своей покровительнице Кали.

Предлагая вам сокращенный пересказ рукописи Амира Али, хочу заметить последнее: она изобилует массой неизвестных и непонятных современному читателю слов, названий индийских мер весов и длины той эпохи и так далее.

Некоторые из них сохранены в тексте пересказа и пояснены по ходу повествования либо помещены в краткий словарь в конце книги.

Приятное знакомство

Почти не помню своих родителей. Судя по тому, что в нашем доме было немало слуг, они были уважаемые и богатые люди. Я припоминаю, что за мной постоянно присматривала пожилая нянька, которую звали, кажется, Чампа. Еще у меня была младшая сестра, которую я очень любил.

Через много лет, когда я сидел в тюрьме, где у меня было достаточно времени для воспоминаний, некоторые картины из забытого прошлого начали появляться передо мной. Вот одна из них: как-то в нашем доме поднялась необыкновенная суматоха и суета – слуги связывали в тюки нашу одежду, ковры и другие вещи, перед крыльцом дома появилось несколько всадников. «Они поедут с нами и будут охранять нас в дороге, – сказала мне Чампа. – Завтра твой отец и все мы выезжаем и путь».

Действительно, на следующее утро мы отправились в дорогу; мать и я ехали в паланкине, старая няня – на моей маленькой лошадке, а отец вместе с охраной гарцевали впереди каравана на отличных скакунах.

На третий или четвертый день после того, как мы оставили нашу деревню, мы прибыли в какой-то город и остановились на постой в караван-сараях. Отец уехал по своим делам, а моя мать, которая, как правоверная мусульманка, не могла выходить одна в город, осталась в караван-сараях и отпусти-

ла меня погулять, но только после моего обещания не отлучаться далеко. Вырвавшись на свободу, без присмотра матери и Чампы я вскоре забыл свое обещание и оказался на соседней улице в компании каких-то оборвышей, с которыми мы затеяли веселую игру. Мы резвились вовсю, когда человек средних лет, проходивший мимо, остановился и спросил меня, кто я такой. Видимо, я привлек его внимание тем, что заметно выделялся своей богатой одеждой среди простой детворы. Я сказал ему, что моего отца зовут Юсуф Хан и что он, и моя мама, и я едем в Индор.

— А, знаю! — сказал человек. — Я вас видел вчера на дороге. Твоя мама ехала верхом на буйволе, верно?

— Нет! — ответил я сердито. — Она едет в паланкине, и я с ней вместе, а отец едет на большой лошади. Еще с нами путешествуют Чампа и несколько солдат. Ты что думаешь, отец позволит, чтобы моя мама ехала на буйволе, как простая крестьянка?

— Хорошо, хорошо, дружок! Ты прав, — ласково сказал человек. — Подожди немного, ты вырастешь большим и будешь сам скакать на лошади, перепоясанный красивым мечом, совсем как твой отец. Не хочешь ли немного сластей? Пойдем со мной, я куплю тебе их.

Искушение было слишком сильным для маленького ребенка, и, бросив взгляд в сторону нашего караван-сарая, я пошел с этим человеком в ближайшую лавку, где продавали сласти.

Он купил мне то, что обещал, погладил меня по голове и сказал, чтобы я отправлялся домой. Выйдя на улицу и попрощавшись с ним, я попытался засунуть покупку за пояс, однако за этим занятием меня заметили те самые оборванцы, с которыми я только что играл. Лихой ватагой они налетели на меня, волтузя и пихая так, что вскоре я сдался и отдал им сласти. Один из них, самый большой и самый чумазый, набрался наглости и вцепился в серебряное ожерелье, которое я носил на шее. Я заголосил что есть мочи, мгновенно и с ужасом представив себе, какую трепку мне устроит отец, если я вернусь без этого украшения. Мой вопль привлек внимание моего знакомого, который стремглав подбежал к нам, удивительно быстро и ловко отвесил мальчишкам несколько подзатыльников, разогнал всю их банду и отвел меня к Чампе, наказав ей впредь получше присматривать за мной.

Я горько ревел от обиды на весь караван-сарай, и мама позвала меня к себе. Я рассказал ей, что произошло, не забыв упомянуть про доброту моего знакомого. Скрываясь за занавеской, как и положено приличной женщине при разговоре с чужим мужчиной, мать сердечно поблагодарила его. Она сказала, что вечером должен вернуться мой отец, и попросила его еще раз зайти к нам, поскольку отец, без сомнения, захочет поблагодарить того, кто защитил его ребенка. Человек сказал, что он обязательно вернется, и ушел. Вскоре после этого появился мой отец. Узнав, что произошло со мной, он не стал утруждаться выговорами и упреками,

а хорошенько отшлепал меня. Горько плача, я убежал к маме, которая утешила меня сладостями, точно такими же, из-за которых я попал в эту историю.

Ближе к вечеру пришел мой знакомый в сопровождении своего приятеля. Я сделался главной темой их разговора с отцом, а потом они стали говорить о трудностях пути, и тут я впервые услышал слово «тхаг». Я понял из их слов, что эти тхаги – страшные разбойники, которые душили и грабили путешественников, причем часто попадались по дороге в Индор. Мой знакомый и его приятели сообщили отцу, что сами они – солдаты, бывшие на службе у какого-то раджи, возвращаются теперь домой в Индор и были бы рады сопровождать нас ради нашей безопасности. При этом мой друг был очень ласков со мной – он позволил мне поиграть его саблём и пообещал усадить меня завтра на свою лошадь. После этого он понравился мне еще больше, чего я не могу сказать о его приятеле, называвшем себя Ганеша, грубое лицо которого вызвало у меня неприязнь.

Утром следующего дня мы опять были в пути. Наши знакомые и их люди присоединились к нам в маленькой манговой роще, где они отдыхали после дороги, и мы двинулись далее все вместе. Мой друг сдержал свое слово и позволил мне покататься на своей лошади. На третий день пути он обратился к моему отцу:

– Юсуф Хан! А стоит ли заставлять ваших молодцов ехать с нами до самого Индора? Их вполне можно отослать до-

мой — мы миновали самую опасную часть пути, джунгли остались позади, а вместе с ними — и возможность встречи с тхагами, так что бояться нам более нечего. Мы охотно сопроводим вас до самого Индора. Вы же знаете, что нам можно доверять.

— Я согласен! — без колебаний ответил отец. — Думаю, что и мои парни поблагодарят нас за это, ведь они уже проехали с нами никак не менее пятидесяти коссов, а им еще возвращаться обратно в нашу деревню.

На следующем привале отец объявил, к немалой радости своей охраны, что они могут возвращаться. Прощаясь с нашими людьми, я попросил их передать привет всем друзьям и знакомым. Я помню также, что дал им старую и потертую рупию, попросив передать ее моей сестре, чтобы она носила ее на шее как амулет, который напоминал бы ей обо мне. Страшно подумать, при каких обстоятельствах я через много лет вновь увидел эту монету.

Этим же вечером, уже после отъезда нашей охраны, мой друг сообщил отцу, что до Индора осталось всего два коротких перехода, и предложил пройти их разом за один день. Он пояснил, что ради этого, если согласен отец, нам надо будет пуститься в путь еще затемно, иначе нам не успеть. Он добавил, что если носильщики паланкина не станут соглашаться на такой изнурительный марш, то он легко уговорит их, посулив им целого барана, которого он сможет получить почти бесплатно у своего знакомого старосты в одной

из деревень на дороге. Мой отец, похоже, немного обиделся на него и сказал, что у него хватит денег заплатить не только за несчастную овцу, но и поднести носильщикам хорошие подарки, если те согласятся идти весь день без отдыха.

— Очень хорошо! — согласился с ним мой друг и со вздохом и не без зависти добавил: — Раз вы готовы на такие расходы, то вам и решать это. У нас же, у бедных солдат, увы, нет ничего, кроме нашего оружия.

— Да, я могу себе это позволить! — сказал отец и, не скрывая гордости, похвастал: — У меня сейчас хватает денег. Я продал дом и землю, чтобы не нуждаться, когда я начну служить у раджи Индора.

— Вот здорово! — восхитился я. — У тебя, наверное, есть тысяча рупий!

— А что, если и побольше? — сказал он и переменял тему разговора; мне же показалось, что мой друг и его противный приятель украдкой обменялись при этом многозначительными взглядами.

Было совсем темно, когда мы отправились в последний переход до Индора. Неожиданно начался дождь, дорога размокла и сделалась скользкой. Вскоре носильщики поставили паланкин на землю и заявили, что далее идти во мраке и по такой грязи они отказываются. Отец ввязался с ними в ожесточенную перебранку; я же проснулся, вылез из паланкина и спросил у моего приятеля разрешения ехать с ним на лошади. Он согласился, правда, на этот раз не так охот-

но, как ранее, однако посадил меня перед собой, после того как носильщиков все же заставили идти дальше. Оглядевшись, я заметил еще, что не вижу нескольких солдат, и спросил, где они. Мои слова привлекли внимание отца, и он тоже спросил у моего друга, куда они действительно делись. Тот беззаботно ответил, что они ушли немного вперед, устав ждать нас, поскольку из-за этих проклятых носильщиков наш караван продвигался слишком медленно.

Когда, двигаясь вперед, мы достигли русла почти пересохшего ручья, окаймленного зарослями небольших деревьев, мой друг слез с коня, сказав, что хочет попить и что я могу немного проехать без него. Прежде чем конь вынес меня на другой берег, я услышал позади себя чей-то отчаянный крик, а затем и шум схватки. Испуганный, я повернулся в седле, чтобы посмотреть назад, не удержавшись, упал на камни, устилавшие дно ручья, и сильно рассек себе кожу на лбу.

Вскочив на ноги, я увидел, что те самые солдаты, которые, как было сказано, якобы ушли вперед нашего каравана, вместе с другими грабили наш паланкин. Я завопил от ужаса. Один из солдат подбежал ко мне, и я узнал в нем того самого противного Ганешу, который приходил в караван-сарай.

«Мы забыли о тебе, щенок!» – взревел он страшным голосом и, набросив мне платок на шею, чуть было не удавил меня, однако его успел остановить мой друг. «Не тронь его!» – крикнул он и схватил убийцу за руки. Между ними вспых-

нула страшная ссора, и оба они вытащили сабли. Что было дальше – я не знаю. От боли и страха я потерял сознание и упал на месте.

Я очнулся, почувствовав, что кто-то пытается влить воду мне в рот. Первое, что я увидел, были тела моего отца и матери. Рядом с ними лежала груда трупов, в которой я узнал Чампу и носильщиков паланкина. Я бросился к матери, но тут же опять потерял сознание, увидев, как страшно выглядело ее лицо – глаза вылезли из орбит, а прикушенный синий язык торчал наружу!

Когда я вновь пришел в себя, испытывая мучительную боль в шее и на рассеченном лбу, то оказалось, что я лежу на земле рядом с моим другом. Он говорил мне ласковые слова, пытаясь утешить меня, но, вспомнив все, я в исступленном гневе стал кричать на него, называя его убийцей моих родителей и требуя, чтобы он убил и меня. Услышав шум, Ганеша, пытавшийся задушить меня, подошел к нам.

– Что говорит этот маленький мерзавец? – вскричал он и обратился к моему другу: – Ты что, превратился в женщину, Исмаил? Немедленно набрось ему платок на шею и придуши, а если боишься, то давай это сделаю я!

Ганеша и мой защитник Исмаил опять начали ожесточенно ссориться, а я обругал Ганешу самыми гадкими словами, которые только знал, и плюнул в него. Ганеша, мерзко сквернословя, развязал свой шейный платок и хотел было убить меня, но Исмаил оттолкнул его, взял меня на руки и отнес

далеко в сторону. Он успокоил меня, как мог, говоря, что теперь я буду его сыном. Он наложил мне на шею повязку из зеленых листьев и дал мне выпить воды с сахаром. Видимо, в нее было добавлено немного опиума, потому что я тотчас же заснул глубоким сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.